

ВЛАДИМИР ПОСЕЛЯГИН

Боевая фантастика

КРАСНОАРМЕЕЦ

Владимир Геннадьевич Поселягин
Красноармеец
Серия «Боевая фантастика (АСТ)»
Серия «Красноармеец», книга 1

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69321346
ISBN 978-5-17-152850-8

Аннотация

Всё знакомо, всё понятно. Попаданец в Великую Отечественную войну. Он не ставит перед собой цель попасть на приём к товарищу Сталину или научить современников правильно делать танки Т-34, да и на автоматы Калашникова ему плевать. Он просто хочет спокойно дожить до конца войны, не рискуя собой, ведь своя шкура ему дороже всего.

Однако судьба распорядилась иначе.

Содержание

Пролог	4
Конец ознакомительного фрагмента.	113

Владимир Поселягин

Красноармеец

Пролог

Поле горело, и ветер гнал пламя на нас. Урожай пшеницы погибал, но всем было плевать. Тут лишь бы выжить. Впрочем, и поле загорелось от наших действий: мы подожгли один мотоцикл, да и бронетранспортёр рядом ярко полыхал.

Перед нашей группой стояла задача задержать противника, что мы и делали. Встав в засаде, тупо залегли в пшенице, потому что не было времени выкопать стрелковые ячейки. За нашей спиной – деревня на десяток дворов, где спешно эвакуировался медсанбат. И не уползти: немцы, оправившись от первого удара, вели активный огонь, подавляя наши огневые точки. Часто работали танковые пушки. А нас тут всего чуть больше взвода с одной сорокапяткой. Да и пушку нашу уже сбили, перекосило её, вон она, с вывернутым колесом. Из-за щита виднеется окровавленная кисть убитого бойца из расчёта.

А следом за пламенем на нас двигались и немецкие танки. Это «чехи», их уже знакомые клёпаные силуэты. Многие из наших парней вскакивали, не выдерживая вида огня, идущего на нас стеной. А я пока продолжал стрелять из сво-

ей СВТ. Левый фланг засады был не так задымлён, что давало возможность видеть перебегающие фигуры немцев. Это, похоже, вермахт, а не СС, с которыми мы дрались всего каких-то два часа назад. Впрочем, после того боя от сорок пятой стрелковой дивизии, где я был приживалой, осталась едва половина полка.

Я отложил винтовку (все магазины уже расстрелял, перезарядить нужно), достал из своего хранилища немецкое ПТР и прижался щекой к прикладу. Оно единственное в нашей группе. Впрочем, о нём никто не знал, это мой недавний трофей. Но сейчас без этого ружья уже никак.

Прицелившись, я выстрелил, и ружьё отлично показало себя против брони «чехов»: первая пуля, пробив лобовую броню, сгнула внутри. Хотя машина оставалась на ходу, экипаж вскоре полез наружу: на доньшке пули была смесь слезоточивого действия, она их и выгоняла. А тут я и второй подбил. Из пяти оставшихся ещё три подбили и подожгли наши артиллеристы, пока их самоходка не накрыла. Остальные наши выбивали пехоту и танкистов.

Тут немцы начали садить миномётами. И, должен сказать, я словно что-то почувствовал. Только и успел дёрнуться. Хотел перекатиться, а тут меня как раз накрыло и тут же выбило из сознания. Если бы я не промедлил, убирая оружие в хранилище, может, шанс бы и был.

Была ночь. Я сидел на берегу реки и, задумчиво кидая камешки в воду, размышлял. Знаете, хоть с магами я знаком, это у меня первое перерождение. Даже предположить не мог, что умру и очнусь в теле молоденького, восемнадцатилетнего бойца. Парня звали Герман Одинцов. Это ещё нормальное имя, мои родители мне тоже дали редкое – Добрыня.

Думаю, пока сижу тут на реке, находясь в самоволке, стоит описать, что происходит, а то непонятки со всех сторон. Зовут меня Добрыня Никитич (смеяться не надо, да и привык я уже), а фамилия самая что ни на есть обычная – Иванов. Родился и жил в Казани, да и после армии туда вернулся, там и помер. Странная была смерть, хотя я даже испугаться не успел. Лифт вдруг рванул – похоже, оборвались тросы – и с двадцатого этажа ухнул вниз. В общем, шансов у меня на моём шестидесяти четвёртом году жизни не было. Хорошо один в кабине был, пока поднимался на свой двадцать второй этаж. В этом новом доме (четыре года, как сдан – считай, новый) у меня была квартира.

Вообще, можно много что рассказывать: про семью (она большая, но обычная, среднестатистическая советская, а потом и российская семья), про армию, о путешествиях по родной стране и как я исколесил весь земной шар, но я не буду этого делать. Я расскажу о другом.

Это случилось в восьмидесятые, сразу после моего возвращения из армии. Я грибником был, и в тот раз как раз погулять вышел, на разведку, чтобы потом с матерью и женой уже на машине приехать. И встретилось мне в лесу бордатовое чудо-юдо в балахоне, и я тут же оказался обездвижен. Встреченный мной чел оказался магом. Русского языка он не знал, но ментально, глядя глаза в глаза, мог общаться образами, между прочим, вполне информативно. Ему кое-что было нужно, и он показал образами, что именно. В большинстве металлы. За услугу обещал наградить.

Нужное ему я достал за неделю. Правда, маг сильно ворчал, что металлы, мол, с примесями, но в итоге они ему подошли. Получив необходимое, он занялся ремонтом железного блина портала. Маг был не один, с учеником – забитым заморышем. Они явно прибыли из средневековья. Лес покидать боялись: попробовали было выйти на автотрассу, но та их напугала рёвом мчащихся мимо грузовиков. Пока маг с учеником ремонтировали портал, я им и еду приносил. А через шесть дней они отбыли в свой мир.

Думаете, я просился с ними? Ага, прямо разбежался. Мне и в Союзе здорово жилось. Однако подарок я получил, причём маг сказал, что он действителен на все мои жизни. Я тогда не придавал значения этим его словам, и только переродившись, понял, что он имел в виду.

Подарком было безразмерное хранилище. Вообще, их устанавливают в аурах магам, но и обычные люди могут но-

свить их и использовать. Маг знал, что такой подарок мне точно понравится. Но если у магов хранилище действительно безграничного размера (ну там за тысячу тонн – хранилища по весу измеряются, а не размеру), то у обычных людей (простецов, как он нас называл мысленными образами) – не более пяти тонн. Это максимум, на что хватает энергии в аурах простецов, потому что при большем размере хранилища оно начинает тянуть из своего владельца жизненную силу, постепенно, в течение лет пяти после установки, убивая его.

Ну, мне ещё повезло: маг сделал замеры, и выяснилось, что я без опасности для жизни могу выделять из ауры энергию, достаточную для содержания хранилища объёмом в пять тонн и семьсот двадцать килограммов. Маг, как раз специализирующийся на этом, легко установил мне хранилище именно такого размера и научил им пользоваться. Вот такая плюшка досталась мне за помощь.

Я быстро понял, как это здорово – иметь такую вещь. На жизнь мне хватало, в криминал не лез, по молодости занимался лёгкой спекуляцией: покупал осенью дыни и арбузы, а зимой продавал. Цена в десять раз больше, а всё равно разбирали, так что мне хватало на мелкие радости жизни. А так я держал в хранилище самое нужное и важное. Отметил также, что если убрать в хранилище готовую, горячую ещё еду, то, даже извлечённая оттуда через год, она оставалась всё такой же горячей и вкусной: внутри хранилища явно используется стазис. Но живых существ оно принимать

не могло, да и размер имело неизменный, без возможности прокачки.

Я понимал, что тайну хранилища нужно скрывать ото всех, иначе плохо будет, и хранил её как зеницу ока, поэтому о нём так никто и не узнал. Когда начались лихие девяностые, все подрабатывали, кто как мог. У меня семья большая: кроме жены и тёщи (та тогда с нами жила), трое детей и родители. С завода меня сократили, а был я слесарь-инструменталист пятого разряда. Вот и занялся контрабандой – угоном машин из Германии и продажей их тут. Целыми редко продавал, если только по заказу, а больше разбирал на запчасти, которые потом на авторынке продавали двое моих знакомых. Я же выступал как якобы посредник, своего магазина или места продажи не имел, просто продавал клиентам запчасти, а они уже дальше.

На этом я хорошо поднялся, а потом научился тупо грабить банки, так что жизнь пошла неплохо: недвижимость, хорошие машины, часто за границей отдыхал. Целый год прожил в Англии: там в курортном городке у меня была любовница, украинка. За этот год я английский здорово подучил, почти без акцента говорил. В путешествиях этот язык везде пригодится. Впрочем, это был единственный иностранный язык, который я знал. Ну не полиглот я, а в данном случае просто погружение в языковую среду помогло.

С супругой я развёлся в две тысячи десятом: задолбала она меня, сварливой стала, это тёща её науськивала. Нет,

можно было бы продолжать жить по привычке, но зачем друг друга мучить? Любви между нами никогда не было, женился я по залёту. Причём, сделав позднее, в две тысячи десятом, экспертизу, я выяснил, что первый ребёнок оказался не моим, мои только два следующих.

Сынок старший, мажор хренов, официально (а работали серьёзные адвокаты) был убран из списков моих детей, документы с заключением проведённой экспертизы приложили. Тот вообще в мать пошёл, но мне казалось, что и мои черты были, потому я поначалу и не сомневался. Результаты экспертизы стали для меня шоком стали, неделю отходил.

Из наследников я его вычеркнул, оставив всё второму моему сыну и дочке. Пусть поживёт на пенсии матери и бабки. Я им квартиру купил, трёшку в центре Казани – и с глаз долой. Дальше сами. Содержать я их и не думал, бесили, особенно с момента, как получил результаты экспертизы ДНК. Я ведь проверился ещё в одной лаборатории, но результат был тот же: двое мои, старший – нет. И ладно бы жена семимесячного официально родила, так нет, вполне здоровый девятимесячный был.

Два иска в суде, что на меня подавали, я выиграл, прежде чем летом двадцать второго эти чёртовы тросы оборвались. Причём подозреваю, не всё там просто: хлопок был, прежде чем я вниз полетел. Не взрывное ли устройство? А мог и бывший сынок поспособствовать, только странно: это месть или надеется на наследство? Может, и не надеется. Вот такие де-

ла.

Теперь по тому парнишке, в которого я попал. Герман Одинцов, красноармеец. Прибыл в часть весной сорок первого года, это была Восемьдесят седьмая стрелковая дивизия, причём рота Девяносто шестого стрелкового полка, входившая в эту дивизию, располагалась на территории города Владимир-Волынский. На них возлагалась охрана складов и станции железной дороги, а в случае нужды усиливали коммандатуру.

Сам Герман был из Горького, сирота. Информацию об этом я нашёл в письме, которое догнало его, когда он уже проходил курс молодого бойца. В письме говорилось, что умерла его бабушка – единственный родственник, которая его и растила. Бабку уже похоронили, домик её пока заперли, опечатали.

Месяц длился курс молодого бойца, на охрану важных объектов его пока не ставили, но посылали в патрули – неплохой способ обучения в обстановке, близкой к боевой: тут каждую ночь что-то да случалось. Вот в одну из ночей, когда наткнулись на воров, выносивших добро из одного из домов, Герман и получил по голове рукояткой ножа. Одного их воров он успел зацепить штыком, но и сам получил в ответ: в него кинули нож, попало рукояткой, но удачно, в висок, так что насмерть. Лейтенант, командир патруля, опытным был, провёл необходимые реанимационные мероприятия, даже искусственное дыхание рот в рот, и заставил за-

биться сердце молоденького красноармейца. Вот только очнулся в его теле уже я.

Что самое обидное, хранилище было почти пустым. И не стоит думать, что меня ограбили, оно и было пустым на момент гибели в прошлой жизни. Так уж получилось, просто стечение обстоятельств. Один знакомый, которому я криминальные тачки продавал в девяностых, нашёл меня и заказал покупку двух снегоболотоходов «Беркут-8». Шикарное предложение сделал да напомнил про долг, а я ему действительно должен был: помог он мне как-то здорово. Подумав, я согласился.

Вот только каждая машина весила по две с половиной тонны, да плюс запас топлива и запчастей. Как раз в размер хранилища укладывался. Я достал всё, что находилось в хранилище, и выложил в гараже (тот под сигнализацией), а сам вылетел за машинами в Тюмень: уже знал, где их можно достать, на каком заводе. Выкраденные мной машины (они были абсолютно новыми) я, согласно условиям сделки, передал заказчику под Воркутой. Место там глухое, у заброшенной деревни, но я ведь стопроцентную предоплату получил. Так что передал машины и отбыл.

А вообще старый знакомый намекал, что машины нужны для серьёзных людей. С зоны бежать надумали, а без этих машин там не выжить. Остальное он, видимо, сам комплектовал: оружие, припас, палатки. Я с этим связываться не хотел, технику передал и свалил. Как раз возвращался домой, о

душе мечтал (самолёта не было, в душном поезде пришлось добираться), когда тросы в лифте полопались. А очнувшись, долго соображал, где я, пока не понял, что попал. Дальше уже врачи объяснили, в кого. Две недели меня держали, так что у меня было время всё осознать и принять решение, как быть дальше.

Сегодня ночь с двадцатого на двадцать первое июня. Я сидел и переживал так, что меня колотило. А что мне делать? Готовлюсь к войне. За эти две недели в медсанбате дивизии я полностью освоил новое тело, а оно на голову ниже, чем раньше, даже ходить заново учился, двигать конечностями, пальцами. Врачи к этому относились с пониманием: мол, травма головы. Поставили мне диагноз «частичная амнезия», хорошо, не полная: жизнь парнишки я изучил, так что смог вывернуться.

Знаете, пока я лежал в медсанбате, успел о многом подумать. Мне эти недели здоровогодились для адаптации. Осознание скорой войны повергло меня если не в панику, то близко. Я не хотел воевать на этой войне – я осознавал это чётко и вполне отдавал себе в этом отчёт. Я не трус, но мне было страшно.

В эти периоды самокопания я даже подумывал просто сбежать и забить на всё. Вот только быть дезертиром я не хотел, гордость не позволяла. Прятаться как крыса по углам? Ну уж нет. Четыре страшных года впереди, нужно их перетерпеть – и можно будет жить дальше. Если, конечно, переживу вой-

ну, а я постараюсь. Главное – быть осторожным и не лезть на рожон. Даже подумал было стать инвалидом, по типу самострела. Отправят в тыл, и буду там просто жить. Но и эту мысль отложил: она пришла ко мне в минуту слабости, не обращайтесь внимания. Вот если немцы ранят, не расстроюсь, главное, чтобы не сильно, не смертельно.

Вообще, этот период истории я любил, альтернативные книги читал, интересно было, но никогда не мечтал попасть сюда, желания бегать с винтовкой наперевес у меня никогда не возникало. После двух лет в стройбате армию я не переносил органически. Однако этот страшный день воскресенья приближался, и нужно было что-то делать. Я уже принял решение честно воевать, а там будь что будет. Между прочим, решение это далось мне ой как непросто. А приняв его, я начал строить планы.

Что я имею? Тело паренька, настоящего арийца. А что? Светловолос, голубоглаз, по всем немецким параметрам – настоящий ариец. Тело крепкое, вполне выносливое, хотя пока дрищ, откормить нужно. Молодое тело взамен старого – это большой плюс. Ну и хранилище. Кстати, открывать его в новом теле не пришлось: три потуги – и я почувствовал его. На месте оно, со мной. Уже убирал и доставал вещи для пробы. Для войны размер хранилища крайне мал, капля в моря, для одного бойца. Но, в принципе, при экономии хватит.

Я ещё в прошлой жизни за сорок лет эксплуатации хранилища понял, какой груз там должен быть. Первое – транс-

порт. На него и на топливо уходит тонна. У меня были горный велосипед, туристический, скутер и квадроцикл. Остальное – это топливо к двум последним. Две тонны места были предназначены для ценного имущества: деньги, золото из банков, драгоценности и всё такое – мой капитал. Он так в гараже и остался, сыну отойдёт. Ещё тонна – под еду. Готовой было около двадцати кило, да всё в гараже осталось. На пятом месте – оружие и всё необходимое для дикого отдыха: от лёгкой пластиковой лодки с подвесным мотором и удочек до зимней палатки с печкой. Всё это тоже пришлось выложить. Но здесь приоритеты меняются: жизнь другая и война скоро.

Теперь стоит коснуться того, что осталось в хранилище. Я же говорил, что оно «почти» пустое. Так вот, я знал того, кто меня нанял, непростой чел, поэтому подготовился.

В хранилище у меня были скатка пенки и всесезонный спальник: там утеплённую подкладку убираешь – и, считай, летний. А с подкладкой и на снегу спать можно. Подкладка была на месте. Я ведь на сутки раньше к месту встречи прибыл и отслеживал чужих. Для этого у меня был дрон, очень дорогой, в два раза больше стоил, чем заказчик мне за болотоходы заплатил. Дрон имел возможность ночной съёмки, дальность тридцать километров, сорок минут работы. К нему прилагался мощный армейский планшет для управления этой машинкой.

В ожидании заказчика я смотрел фильмы на ноуте, кото-

рый был со мной, у меня там хорошая коллекция. Имелся также мини-генератор весом восемь килограммов, он киловатт выдавал, но для зарядки дрона и ноута с планшетом этого более чем достаточно.

Понятно, что и оружие было: я же знал, с кем встречаюсь. Во-первых, «Глок-17» с глушителем, к нему два запасных магазина и сотня патронов россыпью; во-вторых, автомат «Вал», тоже с глушителем, оптикой, а также подсумки с шестью запасными магазинами да сотня патронов россыпью в запасе. А больше по грузовой марке не входило, даже бинокль не взял, камеры на дроне вполне хватало, чтобы понять, те это, кого я жду, или не те. Еда с собой, конечно, тоже была, но я всё подъял до возвращения домой.

Как видите, в хранилище есть мелочовка на сорок кило, и она более чем нужная, но ведь это всё мизер. Оружия до конца войны не хватит: что такое сто сорок пять патронов к пистолету и двести сорок к автомату? Если использовать редко и в случае крайней нужды, тогда, может, и удастся протянуть подольше.

Понятно, что теперь стоит пересмотреть наполнение хранилища. Две тонны нужно запланировать под еду и чистую питьевую воду. Я нахожусь на территории сильно нелюбимой мной Украине, а тут преимущественно степи, реки встречаются нечасто, поэтому запасы воды необходимы. А также и еды – как готовой, так и полуфабрикатов. Тем более я не исключал возможность попадания в плен, и тогда подобные за-

пасы мне здорово пригодятся. Сто килограммов я готов выделить на утварь и посуду. И не делайте такие большие глаза, немалую часть займут дрова. Если удастся купить примус или керогаз с керосином, будет совсем хорошо.

Ещё две тонны – это оружие и боеприпасы. Желательно по одной единице разной, но что именно стоит отобрать, пока не знаю. Тонну займёт транспорт – лёгкий мотоцикл, велосипед – и топливо. Остаётся шестьсот килограммов, точнее пятьсот пятьдесят, учитывая то, что я из прошлого мира принёс. Половина этого объёма пойдёт под медикаменты, а остальное займут личные вещи – это то, что нужно для комфорта: запасная форма, гражданская одежда, плотницкие инструменты, лопата, палатка. Причём палатка желательно утеплённая, например, оббитая войлоком.

Пока же у меня в хранилище только то, что я принёс с собой из прошлого мира (не думаю, что это будущее, я придерживаюсь той точки зрения, что миров много и каждый существует в своём времени). В этом мире я добавил в хранилище только свои документы – красноармейскую книжку и комсомольский билет. Ничего другого у меня не было.

Восемнадцатого июня меня выписали, и я вернулся в роту. Дальше учёба, уставы, частая строевая и наряды. Считалось, что я пока не могу ходить в караульные наряды или в патрули, потому меня определили на кухню чистить картошку. И не стащишь ни одной: присмотр просто убойный, непонятно почему. Я уже стал подумывать как бы что поиметь,

если проще – своровать. У своих, естественно, не хотелось бы, надо у чужих, в этом случае совесть ворчать не будет. И тут как раз представился случай.

Вообще, история довольно интересная. Прошлой ночью, когда мы (те, кто не в нарядах и не в патруле), отбыли ко сну, внезапно были подняты по тревоге. Оказалось, ограбили кассу магазина и убили ножом милиционера. Подняли всех, но меня, как и ещё шестерых, оставили в казарме. Я быстро поднялся на чердак, а оттуда на крышу казармы, и выпустил дрон. Поднял его повыше, в поисках суеты на улице. И нашёл, да только не там, где искал – заметил шесть повозок и телег, что спешно удалялись от города. А это подозрительно.

Я проследил за ними. В шести километрах от города они свернули и ещё через полкилометра остановились на берегу реки Луги. Я видел, как поднялась крышка схрона, и оттуда вылез мужик с оружием (кажется, это была винтовка). Повозки близко к схрону не подгоняли (видимо, чтобы следов не оставлять), содержимое повозок быстро перетаскали к нему на руках и спустили вниз. Это явно был бандитский схрон. А что, отличное место: никто и не подумает неподалёку от берега реки искать. Уж не знаю, эти люди участвовали в налёте на магазин или другие, но утром парни рассказали, что из ограбленного магазина вывезли не только деньги, но и часть товара, и это заинтересовало меня.

И вот следующей ночью я ушёл в самоволку. Сделал вид,

что живот прихватило, ушёл в туалет, а там через забор, пользуясь ночью и редкими фонарями, рванул прочь. Первым делом – к городской аптеке. Заднюю дверь вскрыл легко, не зря же с криминалом часто работал, уж замки-то вскрывать научился. Начинал с автомобильных, а потом и на дверные перешёл, повышая квалификацию взломщика. В аптеке я добыл двести пятьдесят килограммов лекарств, из которых особую ценность представляли перевязочные и антисептические средства. Я тщательно отбирал, что взять, почти час на это потратил, а потом покинул аптеку, оставив натянутую на звонок леску и капкан на полу.

После аптеки я побежал к схрону. Бежал изо всех сил, заодно проверяя себя на выносливость. Дыхание сбил, что, в принципе, было ожидаемо, однако добрался до места. Но схрон не нашёл. Искал, руками шарил – и ничего. Пришлось поднимать дрон и делать привязку к местности, благо осталась запись того, как бандиты спускали добычу. Оказалось, я слегка промахнулся – ну ещё бы, в темноте-то. Но вот, наконец, осторожно нащупал щель и поднял крышку. Проверил на минирование, откинул крышку, после чего спустился.

В схроне оказался тот хмырь с винтовкой, которого я уже видел – дрых на нарах. Нар всего было шесть, схрон рассчитан на двенадцать человек. Часть нар были заняты мешками – явно теми самыми, что привезли на телегах. Ну что ж, работаем.

Надо сказать, в прошлой жизни мне не раз приходилось

убивать, я давно умею это делать и особо не сомневаюсь, если нужно. Разные истории случались, но ножом не работал ни разу: как-то не было нужды. А сейчас вот пришлось, потому что категорически не хотелось тратить дефицитный боеприпас. Причём использовал нож бандита, взятый со стола, где лежали остатки еды.

Помещение освещал огонёк висевшей на стене керосиновой лампы, бандит её почему-то не затушил, а мне это было на руку. Я быстро, не задумываясь, нанёс ему удар в грудь, опасаясь, что иначе буду долго колебаться. Бандит захрипел, затрясся, мне на руки плеснуло кровью. Меня всего заколотило, и я пулей вылетел из схрона и бросился к реке, чтобы отмыться, уделив особое внимание рукам. Посветил фонариком в планшете на форму, заметил, что и на неё кровь каплями попала, поэтому постирал её, и теперь она была мокрой.

И вот я сидел на берегу, обсыхая и кидая камешки в воду. Трясти постепенно перестало, но я всё ещё не пришёл в норму. Оказалось, убивать вот так живого человека – это жуть как страшно, тем более убитый, видимо, в агонии ещё и за руку меня схватил. Однако пора было возвращаться, а то как бы не поняли, что я в самоволке. Поэтому я уверенно встал и вернулся к схрону. Спустившись по лестнице, снял лампу и приступил к шмону.

Ограбленный магазин, к моему большому сожалению, был не продовольственным. Там продавались отрезки тка-

ней, нитки, иголки, швейная фурнитура и, самое интересное, ковры – самые разные. Из всего многообразия я отобрал отличный толсторунный ковёр в качестве лежанки, чтобы спать, и ещё два вроде гобеленов, с рисунками – красивые, черти. Взял также несколько мотков ниток разных цветов (по большей части белые) и иголки – всё это пригодится на военной службе. А остальное мне без надобности. Содержимое мешков подтвердило, что это товар из магазина. Однако меня интересовал прежде всего сам схрон.

Осмотрел винтовку бандита – не наша; кажется, немецкая. К ней было всего двенадцать патронов плюс пять в самом оружии. Ремень с подсумками я убрал в хранилище. Туда же отправил две полные канистры керосина. Канистры были двадцатилитровые, советские. Нашёл керогаз, проверил – работает. Видимо, бандиты использовали его для готовки. Утвари был самый минимум. Я обнаружил котелок с круглым дном, на пять литров, круглый советский котелок, в котором, видимо, кипятили воду для чая, и небольшую сковородку. Из посуды нашёл две тарелки, две кружки, ложки да нож. Всё грязное, но забрал, потом отмою. В схроне вообще срач был, хотя, судя по всему, сделан он был недавно.

Из запасов я забрал пол-ящика советской тушёнки, полмешка картошки и немного овощей. А больше ничего и не было. Дважды прошёлся, нашёл ещё пакет соли на полке, там же два коробка спичек да под столом две тяжёлых пачки газет, перевязанных бечёвкой. Вот и туалетная бумага. При-

брав всё, в том числе и лампу, в хранилище, я покинул схрон и побежал обратно к городку. М-да, я, конечно, на большее рассчитывал, но лиха беда начало. Будет у меня ещё добыча. Через сутки начнётся та самая война, а там и трофеи пойдут. Я на них очень надеюсь.

Вернулся благополучно, скользнул к своему месту, быстро разделся – и спать. С утра опять построение, завтрак, а дальше кого куда: тем, кто остался, снова строевая, а меня после неё опять на кухню – сначала на чистку картошки, а потом мыть посуду. Ну и отлично, заодно и свою отмыл, тщательно вытер и прибрал в хранилище. Особенно с утварью тяжело было, хорошо её подкоптило, долго тёр. Потом солдатским котелком удалось почерпнуть щей из котла, с густотой. Повар не заметил. Котелок я убрал в хранилище, как и полбуханки хлеба. Начало положено. Но, к сожалению, до наступления вечера это все мои успехи.

А вечером меня включили в патруль, даже как-то неожиданно вышло. Я-то думал, что этой ночью грабану продовольственный магазин. Однако собрался, закинул ремень винтовки на плечо и догнал сержанта. Он вёл людей к комендатуре: старшие в патруле обычно оттуда были или пограничники. По городу работали шесть патрулей, в каждом командир и три бойца. Нас распределили, и мы разошлись. Я попал в группу, где старшим был командир моего отделения.

Мы прогуливались в зоне нашей ответственности, внимательно вслушиваясь и поглядывая по сторонам. Вообще, в

городе ночами часто что-то случается. Наше отделение давно в ночные патрули не отправляли, а Одинцов хорошо видел ночью, он тех воров и заметил, вот сержант про меня и вспомнил. А я действительно вижу неплохо.

– Товарищ сержант, вроде что-то есть, – негромко сказал я.

– Что?

Шли мы неспешно, и он, не останавливаясь, чуть повернул ко мне голову.

– Впереди, видимо, проулок. Там, где вишнёвый сад, ветви за забор свешиваются, слева, вышел мужчина с мешком. Нас увидел и просто лёг в траву, пережидает. Метров пятьдесят до него.

– Понял.

Как неизвестный засёк нас в темноте, я понял сразу: у нас за спиной, на перекрёстке, висел уличный фонарь, вот мужик силуэты и рассмотрел. Сержант, нащупывая в кармане фонарик (их всем командирам выдали), так же неспешно двинул дальше. Я поглядывал по сторонам, чтобы нас врасплох не застали, со спины не подошли.

Приблизившись, сержант резко осветил место у забора и, чуть пошарив лучом, нашёл мужчину. Поняв, что его обнаружили, тот сел, закрываясь одной рукой от света фонарика, и отполз от мешка: типа это не моё. Впрочем, его всё равно обыскали и, связав руки за спиной, отвели в комендатуру. Там разберутся – и с мужиком, и с мешком.

А когда вышли из комендатуры, неподалёку вдруг раздался выстрел, донеслись крики, и мы рванули в ту сторону. Видать, один из наших патрулей влетел во что-то. Когда прибежали, узнали, что один из наших тяжело ранен, остальные встревожены, но не пострадали. Неизвестный, который стрелял, убежал. Тут же организовали прочёсывание, осматривали дворы (тут частный район). Всю нашу роту подняли, я тоже участвовал.

Нашли стрелка не мы, соседняя группа. Один почуял вонь пороха (надо же, какой у него нос чуткий), и сначала нашли револьвер, а потом на чердаке и самого стрелка. Хозяева дома божились, что не знают его, но им особо не верили.

Я участвовал в осмотре дома и строений. Сержант выдал мне фонарик, и я первым спустился на ледник. А там окорок свежекопчёный висит, полтуши свиной на льду, десяток куриных тушек оципанных и потрошённых. Тут же всё в хранилище отправил. Нашёл также три бочки с соленьями и две кастрюли со свежим солёным салом – может, и не готово ещё, отстояться надо, но я прибрал. Тут же тазик эмалированный был, сверху кусок фанеры. Я сперва не понял, что внутри, а это холодец настаивался, уже густой, дрожалка тряслась. Тоже забрал, конечно же.

Поднявшись в дом, я сообщил сержанту, что в леднике пусто и отправился осматривать другие помещения. Грабить пособников бандитов мне было не жаль, а в том, что это они, сомнений не оставалось: в сенях нашли револьвер, а ведь

дверь была закрыта изнутри. И хотя на чердак ведёт лестница, приставленная снаружи, то есть забраться можно, не заходя в дом, с оружием-то они явно лоханулись.

К сожалению, больше ничего свиснуть не удалось: не один я был, да и патрулирование вскоре закончилось, и нас погна-ли в казармы. После нас другое отделение до утра заступило.

Ну а проснулся я, думаю, понятно отчего – от бомбёжки и снарядов. Причём по нашей казарме била именно артилле-рия. Как и все вокруг, я стал спешно собираться. Некоторые носились в панике, но большая часть бойцов споро натягива-ли форму и бежали к оружейке. Казарма постепенно пустела. Здание уже несколько раз сотрясалось от прямых попа-даний снарядов, в другой части казармы обвалился потолок, всё было в пыли, но я смог рассмотреть троих, что остались лежать, поражённые осколками и кусками кирпичей.

Вообще, не стоит думать, что мы всем обеспечены были. Чёрт, да у меня ботинки с обмотками, а не сапоги. Намучил-ся, пока не освоился с ними. Делаю качественно, но медлен-но, поэтому, пока обматывал, остался один в казарме. У ме-ня есть форма, ботинки с обмотками, пилотка, исподнее, ре-мень, подсумки для обойм к винтовке Мосина, каска, фляж-ка, сидор, внутри которого полотенце, кусок мыла да котел-ок с кружкой и ложкой. Это всё, что мне выдали, даже ши-нели нет.

Так что надел каску, закинул за спину сидор и рванул к оружейке. И не обнаружил там своей винтовки: видать, кто-

то по ошибке чужую прихватил. Но стояли шесть винтовок и чей-то пулемёт ДП. Вот я и прибрал пулемёт с коробкой запасных дисков и две винтовки. Всё забирать не стал, мало ли кто вернётся за своим. Так и побежал наружу: винтовка на плече, обоймы – в подсумках, остальное – в хранилище.

Выбежал на задний двор, а вокруг никого, уже свалили куда-то – надо же, какие быстрые. Сплюнув, я побежал обратно: чердак у казармы уже горел, а там оставались парни. Я в спешке и панике не проверил: живы ли они? Надеюсь, кто-нибудь из них жив, это даст мне возможность легально покинуть город: мол, не бегу, а раненого эвакуирую.

Казарма уже была полна гари и дыма, пришлось прикрывать лицо тряпицей, но до парней я добежал и всех проверил. Пятеро их было, двое оказались живы, один даже шевелился, мычал, пытаюсь встать. Его я первым вытащил на свежий воздух, во двор, а потом вернулся за вторым. Вытащил и второго. Потом обоих оттащил к пристройке, где находились кухня и столовая. Свежая пристройка, год назад ввели в эксплуатацию: когда наши тут власть взяли, много что построить успели. Она чудом не пострадала, разве что стёкла выбило.

Оба раненых были в исподнем, а документы остались в форме, так что я вернулся в казарму и пробежался по завалам кроватей, прибрал найденные гимнастёрки и шаровары. Немало их оказалось, с три десятка: многие без них выбежали наружу.

Первым делом я перевязал контуженого, он всё порывался встать, но всякий раз падал. Я уложил его, дал попить из фляжки и перебинтовал ему голову, из которой обильно текла кровь. Второй был без сознания. Обоих я хорошо знал, хотя сам из первого взвода, а эти двое – из третьего. Их койки как раз в том углу находились, где потолок обвалился.

Закончив с перевязкой, я сбил прикладом замок с двери кухни, забежал внутрь и по хрустящему под подошвами ботинок стеклу подошёл к столу, где под простынёй лежали штабелем буханки хлеба. Вчера вечером из хлебопекарни привезли, их каждый вечер привозили – на весь следующий день. Ровно триста штук: на нашу роту, по полбуханки в день на бойца, как раз и будет. Все буханки я убрал в хранилище.

Потом двинул в кладовку. Зимние запасы уже закончились, и овощи нам привозили на машине с овощехранилища. Но я забрал килограммов двадцать соли, килограммов пятнадцать сахара в кусках и, главное, мешок с чёрным чаем. Ну и по мелочи, что радовало глаз, включая солонки со столов. Были две фляги, я знал, где они стоят, поскольку сам отмывал их два дня назад после подсолнечного масла. Каждая по пятьдесят литров, я залил их доверху водой из-под крана – к счастью, вода ещё шла. Мы сюда уже не вернёмся, так что не жаль забирать.

А так, получается, тонну припасов набрал, есть место ещё на тонну. Воды я набрал во все ёмкости и как раз вернулся с чайником во двор, когда с улицы через упавшие ворота к нам

забежал лейтенант Аверин, командир второго взвода. Одет он был явно наспех, но по форме.

Аверин меня сразу узнал, подбежал и спросил:

– Одинцов, где остальные?

Я протянул ему чайник и, пока он жадно пил через носик холодную воду, пояснил:

– Пока раненых выносил, товарищ лейтенант, остальные куда-то подевались. Один боец без сознания, травма головы и плеча, похоже, рука сломана. У второго тоже травма головы, обильное кровотечение (я уже перевязал), а также, похоже, контузия: встать не может, падает. Велел ему лежать.

– Понял, – кивнул лейтенант, вытирая губы тыльной стороной ладони и возвращая мне чайник. – Как думаешь, война?

– Думаю, да, – с очень серьёзным видом кивнул я. – Транспорт бы нужно, эвакуировать раненых.

– Сделаю.

Аверин снова рванул к воротам и на улицу, а я подошёл и напоил обоих парней. Потом, доставая по очереди найденные в казарме гимнастёрки, собрал все документы. Нашёл книжицы обоих раненых, надел на них их собственные гимнастёрки, документы были в нагрудных карманах. Остальное вернул обратно в хранилище: там многое моего размера, запасом будет. Хозяевам всё равно не вернёшь, вопросы возникнут, а так сгорели в огне и сгорели. И это не крысятничество: я просто не смогу объяснить, откуда у меня чужая

форма.

Тут во двор вкатилась двуконная пролётка, в которой сидел лейтенант, причём на козлах. Хозяина транспортного средства видно не было.

– Грузим, – махнул лейтенант рукой и, спрыгнув на землю, принялся мне помогать.

Я занял место на заднем сиденье, чайник с водой поставил на пол и, сняв винтовку и держа её в руках, поглядывал по сторонам, пока мы катили к выезду. Взводный рассказал, что своими глазами видел нападения местных бандитов. Уже не боятся, сволочи.

Только мы доехали до перекрёстка, как по нам кто-то пальнул из окна углового дома – пуля над головой свистнула.

– Давайте вперёд, я прикрою! – крикнул я и, выстрелив куда-то в сторону стрелка, соскочил с пролётки.

А лейтенант, настёгивая коней, погнал дальше по улице. Я увидел ещё, как он, притормозив в конце улицы, посадил в пролётку молодую женщину с маленьким ребёнком, а после погнал снова.

А мне нужна была причина соскочить, и этот обстрел дал мне такую возможность. Впрочем, откуда стреляли, я заметил и действительно рванул зигзагами к стрелку. Мне нужны были трофеи. Я предполагал, что рота моя на станции: у нас была задача её защищать в случае провокации, сержант говорил. Да найду, не проблема.

Я добежал до частного дома, заметив, что дальше по этой

улице лежат убитые, причём некоторые из них в нашей форме. Никак из моей роты? Один без гимнастёрки, белая рубаха видна. Я укрылся под окном, в мёртвой зоне, палисадника у этого старого кирпичного дома не было, стена с окнами выходила прямо на улицу. И тут рядом упала граната, наша Ф-1, я даже услышал, как запал шипит. Среагировал, несмотря на неожиданность, сразу, отправив гранату обратно. Едва успел – она, похоже, рванула, едва перелетев через подоконник. Я в это время уже лежал, закрыв голову руками. Слегка оглушило: надо было рот открыть, да я забыл.

Краем глаза успел заметить, что от угла на перекрёстке улицы ко мне, пригибаясь, бежит милиционер с наганом в руке. Вот блин, его ещё не хватало! Вскочив на ноги, я подпрыгнул, ухватился за подоконник, на который перед этим закинул винтовку, чтобы освободить руки, и забрался в комнату через открытое окно.

Стрелявших оказалось двое. Я как раз, морщась (а неприятное это дело), добивал штыком второго, когда следом за мной в окно влез сержант – я рассмотрел треугольники в петлицах. Так что трофеев мне набрать не удалось. Совместно, прикрывая друг друга, мы с сержантом всё осмотрели. Дом был пуст, никого, кроме этих двух мужиков, не было. Не бедные тут люди жили, бандиты по одежде как-то с обстановкой не гармонировали. Похоже, они сами в чужой дом залезли.

Сержант забрал обе винтовки Мосина, шесть гранат Ф-1, а также всё с бандитов. Оказавшись снова на улице, мы осмот-

рели убитых бойцов, троих я опознал, так что забрали документы, у кого были. В одном из трофеев по царапине на прикладе я опознал свою личную винтовку. Ну точно моя. Однако сержант вернул её мне, только когда сравнил номер с данными из моей красноармейской книжки. Вместе с винтовкой он дал мне две ручные гранаты, я их на ремень за рычаги подвесил.

А потом мы побежали к станции: я к своим, а сержант – за компанию. Видать, растерялся и к нам решил примкнуть.

На станции я обнаружил взводного-два Аверина. Он рассказал, что на выезде его остановил пост. В пролётку посадили ещё одного раненого, который мог управлять лошадьми, и пролётка отправилась дальше, а лейтенанту велели возвращаться в свою часть. Найденные в казарме документы я отдал ротному, чтобы тот распределил среди живых. Он аж щекой дёрнул, так зол был на этих растеряшек.

На станции всё горело, так что недолго мы её охраняли, всего сутки. Также по городу патрулями ходили, объекты важные охраняли. А утром двадцать третьего бои приблизились к городу. Немцы вошли в город ближе к обеду, и нас кинули их сдерживать, Шёл городской бой, по всему городу велась перестрелка. А я читал, что во Владимире-Волынском городских боёв в первые дни войны не было: мол, наши ушли. Да что-то не заметно.

Чуть позже наши действительно ушли, стрельба начала удаляться к окраинам города. А вот я остался, да не один. У

нас троих была оборудована в подвале позиция вроде дота: из узких окошек мы вели огонь по противнику. Место было уж больно удобное: длинная центральная улица, и мы держим её на четыреста метров.

А тут вдруг прямое попадание в здание, причём чем-то серьёзным – был бы я опытнее, сказал бы калибр. Старинное кирпичное одноэтажное здание просто развалилось. Грохнуло здорово, я после этого слышать начал только минут через десять. Выход из подвала завалило, через окна не выбраться, они слишком узкие, а с другой стороны окон не было – глухая стена. Пока двое откапывали выход, на который рухнула соседняя стена, я поглядывал наружу. Улица была полна немчурой, батальона два уже прошли дальше, нагоняя наших. Мы не стреляли: пусть немцы думают, что мы тоже ушли, тогда у нас больше шансов выбраться.

Наше положение усугублялось тем, что ещё недавно в этом подвале располагалась сапожная мастерская. Нас окружали кипы вонючих кож и разные смеси для их обработки и покраски. В общем, сложно было долго терпеть эту вонь. Пришлось замотать лица тряпицами, смоченными в воде, это немного помогало. Кроме того, у меня жутко болело колено: когда в здание попал снаряд, меня кинуло на стену, лицо я успел прикрыть руками, а вот колену досталось. А тут ещё и наши из города драпанули. Я их понимаю: патроны к концу подходили, гранат нет, а немцы давят, миномёты бьют. У меня у самого всего восемь патронов осталось, да две гра-

наты я сохранил, убрав в хранилище, у остальных не сильно больше. Мы ждали темноты, она нам поможет.

А ещё сильно хотелось есть. На обед у нас было по полбуханки ржаного на брата, да по банке рыбных консервов, чая не было, пили воду. А с ужином и вовсе не сложилось. В желудке словно чёрная дыра образовалось и вытягивала все силы из тела.

Поглядывая наружу, я покосился на напарников, попавших вместе со мной в эту незавидную ситуацию. Они как раз, напрягаясь, оттащили в сторону кусок стены из кирпичей. Я не участвовал из-за травмированного колена, я из-за него теперь даже бежать не смогу, только шагать, да и то сильно хромая.

Вообще, тут была позиция нашего пулемётчика, у него ручной пулемёт Дегтярёва. Вон он, без гимнастёрки (она в казарме осталась), с перевязанным плечом – осколком навывлет зацепило, вроде неглубоко, а крови солидно натекло. А мы со Славиком (он тоже из моего отделения, одного со мной года призыва, тоже майский) – так, прикрытие. Пока бой шёл, мы подчищали тех немцев, что после нашего пулемётчика оставались.

Не стоит думать о сотнях нами убитых: хорошо, если десятка два завалили, но, думаю, меньше. Немцы вполне умели укрываться и, подавляя огнём, сокращать расстояние. У меня четверо на счету, это точно, но я только своих считал. Мы эту улицу минут сорок держали. Сам я не сказать, что

прям исключительный стрелок, но с четырёхсот метров мазал редко. Правда, мне было сложно по перемещающимся целям стрелять, не всегда попадал, но всё же неплохо получалось. Причём чем дальше, тем лучше: опыта набирался.

Покосившись на парней, я незаметно для них достал из хранилища буханку и банку тушёнки, отделил от буханки половину и разрезал на три части. Вскрыв банку, щедро намазал на хлеб тушёнку, после чего слегка свистнул. Парни обернулись, и я махнул им рукой, подзывая.

– Вот, последние запасы.

Каждому по бутерброду и полная фляжка воды на троих. Бутерброд мигом провалился в желудок, но стало легче. Парни, довольные, отправились работать дальше, а я выглянул наружу и тут же прижался к стене: к окну подходил немец. Я тут же зашипел, привлекая внимание парней, и скрестил руки над головой – это у нас знак тревоги. Они мигом спрятались на лестничной площадке, которую как раз расчищали.

Немец был лет сорока, в каком-то звании, не рядовой точно, крепкий такой, явно ветеран, унтер или фельдфебель. Я только начал изучать по книжице их звания, до них пока не дошёл, но знал, что обычно у них при себе автоматы и пистолеты, а у этого как раз такое оружие и было.

Немец присел и опасливо заглянул в подвал. Потом стал светить фонариком по кипам кож, чанам, мешкам с краской. Мазнул по куче кирпичей, по лестничному пролёту, двинул было дальше, но вдруг резко вернулся, осветив аккуратную

кучку битых кирпичей. М-да, косяк... Привыкли мы всё аккуратно делать. Понятно, что такую кучу могли собрать только специально и уже после разрушения здания. И немец это понял.

А я понял, что он понял, поэтому, резко показавшись в окне, мощным ударом винтовки насадил его на штык, он даже среагировать не успел. Остриё попало в глаз – случайно, я вообще в горло метил. Содрогнувшись, немец замер, а я, тронув его, убрал в хранилище. Вот ведь засада. Я тревожно ожидал, что вслед за этим немцем появятся другие, но, видимо, никто не отслеживал своего камрада, тревога так и не поднялась. Уф, повезло. Выждав минут пятнадцать, я махнул парням рукой: мол, можно продолжать. Они почти расчистили выход, скоро можно будет протиснуться.

Немцы снаружи иногда мелькали, метрах в трёхстах от нас остановился грузовик, и несколько солдат из кузова ушли в проулок. А потом я увидел, что повели колонну наших пленных. Я снова зашипел, и парни спрятались было, но, увидев, что я подзываю их, подхватили оружие, прислонённое к стене у лестничного пролёта, и подбежали. А увидев пленных, аж охнули.

– Это же наши, – прошептал Славка. – Вон парни из второго и из третьего взвода. О, а вон и наш командир.

Действительно, среди пленных мелькали и командиры, они заметно отличались формой от простых бойцов, так что распознать их было несложно. Я заметил парней из нашей

роты, полтора десятка их точно было. Наш взводный брёл раненый: рука была наспех перевязана.

– Суки! – зашипел Олег, наш пулемётчик.

Он у нас за старшего, это мы со Славой зелёные салаги, а Олег второй год уже служит. Из Куйбышева парень.

Я даже остановить его не успел, как он, вскинув пулемёт, дал прицельную очередь и довольно точно срезал троих конвоиров. Вообще, у него всего полдиска и осталось, больше боезапаса не было. Делать нечего, пришлось его поддержать, и я начал прицельно бить по конвоирам и вообще всем немцам, которые были на улице.

А наши, пользуясь возникшей суматохой, разбежались; тот же взводный, что недавно едва брёл, шатаясь, легко перемахнул через двухметровый дощатый забор. Но человек десять наших, явно не желая сбегать, остались на месте, просто сели на брусчатку. Ну, это их решение и судьба.

Славка частил рядом, посылая пулю за пулей. Он, кстати, лучше меня стрелял, промахи были редки. Когда оба напарника замолкли, у меня ещё оставались два патрона. Одним из них я ранил немца, тот сделал два неуверенных шага и упал. Вторую, последнюю пулю я тоже послал ему: целей особо нет, а я старался работать с гарантией, а то раненого вылечат, снова против нас пойдёт воевать. Тело немца дёрнулось – я попал. Надеюсь, наглухо.

– Укрываемся! – крикнул Олег, когда я выпустил последнюю пулю, и мы разбежались.

Кстати, я уже успел обдумать, что делать, если вдруг немцы нас засекут и гранатами решат закидать. Тут ведь кругом кипы кож, можно обрушить их на себя – глядишь, и выживу. Я крикнул об этом парням, но они уже бежали к лестничному пролёту. Ну а я обрушил на себя одну из кип. Тяжело, смрадно, аж голова кружится, зато безопасно.

Тут как раз послышался шум, я едва успел открыть рот, как загрохотало. Чёрт, немцы гранат не жалели! Видать, сильно не понравилось им, как мы их расстреляли, помогая бежать пленным. Штук двадцать гранат уже в подвал закинули и всё бросают и бросают. Шкуры на мне сотрясались, иногда по ним что-то попадало, но до меня, к счастью, не добиралось.

Когда всё стихло, я ещё с полчаса лежал как мышь под веником. Наконец послышался шорох, второй. Я думал, это парни, уже хотел голос подать, как вдруг заговорили по-немецки. Чёрт, немцы в нашем подвале! Кто-то по моей кипе прошёлся – сдавило сверху несколько раз, – но я лежал молча и переживал.

Минут через десять, когда всё окончательно стихло, я осторожно выглянул и осмотрелся. Снаружи уже темнело, видно было плохо, но постепенно глаза привыкли к темноте и я убедился, что один в подвале.

От взрыва гранат подвал серьёзно пострадал. Думаю, если бы я вылез раньше, увидел бы тут тучи пыли, но на данный момент она уже осела. С трудом сдерживаясь – долго

терпел! – я подбежал к небольшому чану с крышкой, который мы как туалет использовали, поставил его, а то он на боку лежал, и с облегчением отлил. Уф, долго терпел, а чем больше думаешь, тем больше хочется – проверено на собственном опыте. Потом сделал жест рука – лицо: на черта чан поднимал?! Можно было так напрудить. Это всё от шока и усталости.

Быстро пробежался, отметив, что проём наружу расчищен. Напарников не было видно, и что-то подсказывало мне, что они в плену, если не погибли. Крови я не нашёл. Достал вторую половинку буханки и снова сделал бутерброды из тушёнки, съел два из трёх, и чёрная дыра в пузе пока угомонилась. Третий бутерброд убрал в хранилище, потом его съем. Налил воды в опустевшую фляжку и утолил жажду.

Снаружи уже стемнело, а я занялся спрятанным в хранилище немцем: надо было избавиться от него. Достал немца и первым делом выключил фонарик, выскользнувший из его руки и неприятно резанувший лучом света по глазам. Подождал – вроде снаружи не заметили света в подвале. Потом продолжил. Ну, форму брать нет смысла: этот бугай в два раза больше меня, на голову выше и на полметра шире в плечах, так что форма его на мне будет висеть как на вешалке.

Однако трофеев на нём было изрядно. Я снял ременную систему с подсумками, на ней фляга полная, потом гляну, что внутри. Тут же на ремне кобура, глянул – это был парабеллум, к нему два запасных магазина. Два подсумка с чех-

лами для МП, с шестью запасными магазинами. Проверил – все снаряжены, хотя от автомата несло порохом, из него явно хорошо постреляли, а почистить не успели. За голенищами сапог я нашёл две гранаты – те самые, с длинными деревянными ручками.

Прошёлся по карманам, в них оказалось много всякой мелочовки. Нашёл две пачки сигарет, одна из них непочатая, зажигалку, похоже, в серебряном корпусе, коробок спичек. Документы прибрал, деньги вместе с портмоне, часы с руки, перочинный ножик – вещь нужная. Подумав, стянул и сапоги: пусть на два размера больше моего (а у меня сорок второй), но можно будет на что-нибудь обменять – сапоги ношенные, но справные. Жаль, ранца не было. Жетон на шее немца я трогать не стал, оставил тело и скользнул к выходу из подвала. Снаружи окончательно стемнело, так что есть шанс уйти. Однако вот так сразу уходить я не желал: всё, что беру у немцев, моё.

Честно говоря, меня потряхивало, но я держал эмоции в руках. Для облегчения носимого веса – а колено болело, ещё как! – я убрал винтовку, сидор и каску в хранилище. Пистолет, приведя его к бою, сунул за ремень, после чего, сильно хромя, двинул в обход здания, запинаясь о кирпичные обломки и пару раз едва не упав. На улице было темно, поди знай, кто бродит, немцы патрули тоже гоняли. Но сейчас городе стояла тишина. Последняя перестрелка, резко начавшаяся и так же резко стихшая, была минут двадцать назад.

А двигался я на улочку, которая несколько часов назад стала ареной боя. Немцы тут уже всё подчистили, раненых и убитых унесли, пленных угнали. Но перед тем как стемнело, на улицу завернула длинная колонна грузовиков и встала у пешеходной части. У машин прохаживался часовой. А я хотел пошукать в кузовах, уж больно хорошо гружённые были машины. Это была опасная затея, потому и потряхивало меня. Я держал фонарик наготове, рассчитывая, если меня заметят, ослепить им немцев, что даст мне дополнительное время. Но вот сбежать я бы не смог: с травмированным коленом я не бегун.

Часовых оказалось даже два: в начале колонны и в конце. Они ходили вдоль колонны навстречу друг другу. Первой машиной, которую я увёл, была армейская легковая машина – кажется, «кюбельваген». Брезентовый верх был опущен, мотор располагался сзади, а запасное колесо – на капоте спереди. Проблема была в шофёре: тот устроился на заднем пассажирском сиденье и спокойно себе спал, свесив ноги через открытую дверь.

Пришлось дожидаться, когда часовые разойдутся и прирезать немца, причём его же штык-ножом от карабина. Он ремennую систему скинул, повесив её на руль, вот я и достал штык да ударил, одной рукой зажав немцу рот. Он подёргался и замер. Хм, вот это убийство противника далось мне куда легче, чем то первое, бандита из схрона. Быстро найдя документы немца, я их забрал, а тело убрал в хранилище,

планируя избавиться от него позднее.

Машину отправил следом. Ого, восемьсот сорок шесть кило, машина не пустая. Потом гляну, что в ней есть. Замок зажигания взламывать не придётся: ключи торчали в замке. Кроме того, были карабин шофёра и его сапоги, которые тот скинул, когда лёг спать. Сапоги сорок второго размера – как раз мой. Всё прибрал. Вообще, я на лёгкий мотоцикл и велосипед рассчитывал, ну да ладно, такая машина тоже пригодится.

Потихоньку я стал изучать кузова остальных машин. Опа, от одной отчётливо бензином тянуло. Осторожно забрался внутрь и, неудачно ударившись большим коленом о борт, с трудом сдержал крик. В кузове стояли бочки. Аккуратно скрипя металлом крышки, я открутил одну, проверил – бензин и есть. Прибрал три бочки, хватит пока, шестьсот литров запаса – это вполне неплохо. Оглянувшись, заметил, что один из часовых остановился на месте пропавшей легковушки и с недоумением осматривается, поджидая напарника.

Покинув кузов, я обследовал следующую машину. Патроны. Приметив ящики с гранатами, взял два, и ещё один с патронами, после чего захромал прочь, пользуясь тем, что часовые довольно громко что-то обсуждали – очевидно, непонятную пропажу машины. По дороге избавился от тела шофёра. Напоследок ещё раз обыскал его и наткнулся на часы на руке – как же это я так? Снятые ранее с фельдфебеля (а я думаю, что немец был именно в таком звании) были у меня

на руке, я подзавёл их.

А теперь стоит поднять над городом дрон. С колонной мне повезло, но пока не закончилось тёмное время суток, нужно найти ещё что-нибудь интересное, и дрон мне в этом здорово поможет. Для начала нужно такое место, чтобы меня не нашли, пока я с ним работаю, и не заметили свет от экрана моего планшета.

Подходящее место я подобрал – развалины дома, которые ещё дымились. Там и присел у стены. Подняв дрон, стал гонять его туда-сюда. Сразу приметил стоянку нескольких лёгких немецких мотоциклов у одного из зданий, где висел немецкий флаг. А потом и около сотни велосипедов – да тут, похоже, целая велосипедная рота встала на ночёвку в саду школы. Также отметил, что во многих местах город поодиночке пытаются покинуть люди в гражданской одежде и в нашей форме, немало было и раненых.

Получаса мне хватило. Я вернул дрон на последних крохах энергии, мог бы и раньше пригнать, но заметил кое-что и пришлось снизиться, чтобы определить, что это. Маршрут был продолжен, можно идти. Я убрал дрон, отметив, что надо будет найти время его зарядить, и двинул по улочке, шагая с краю и держась в тени забора, так как светила луна.

Велосипедная рота была ближе всего, поэтому первым делом я увёл велосипед. Проверил – все спали, храп многоголосый стоял, часовой гулял, никто не мешал. У одного из немцев помимо пистолета было здоровое такое ПТР со

складным прикладом и сошками, плюс по бокам – по два короба с запасными патронами. Я дополз до немца по-пластунски и прибрал ружьё. Тут же стоял и велосипед с ранцем и сумками. В сумках – запасной боекомплект к ружью, я его прибрал, как и ранец.

Напоследок подложил под колесо велосипеда гранату и так же тихо уполз. Хорошо немец с краю, вглубь ползти не пришлось. А граната была одной из тех двух Ф-1, я их держал для растяжек, а тут решил использовать. Выкопал ямку, благо почва песчаная, раскидал песок, гранату вниз, чуть присыпал, кольцо выдернул, а рычаг колесом прижал, веса хватило. След подкопа замаскировал. Сдвинут – через четыре секунды будет подрыв.

Колено, похоже, расходилось: болело также, но двигаться стало легче. Я двинул к довольно большому и густому саду черешни, там такие заросли, что чёрт ногу сломит, и, видимо, там кто-то из наших прячется: я видел через камеру дрона, как девушка осторожно покидала их, бегая за водой к пруду. А мне нужен раненый: вывезу его из города, а дальше, надеюсь, нас обоих направят в медсанбат или госпиталь. С моим коленом дальше медсанбата, может, и не направят, но кто его знает?

Добравшись до сада, перебрался через забор и стал слушать. Постояв, продвинулся метров на пять и опять слушаю. Так и двигался, пока не услышал шорох и шёпот. Сблизившись, негромко спросил:

– Кто тут? Я слышал шёпот.

Молчание длилось довольно долго. Наконец мужчина, молодой, судя по голосу, спросил:

– Кто это?

– Красноармеец Одинцов, комендантская рота.

– Одинцов? Старый знакомый.

– А вы кто?

– Не помнишь? Я тебя к жизни возвращал. Ближе подойди, чтобы не выдать себя разговором.

– Товарищ лейтенант? – спросил я, подходя и аккуратно садясь.

Помимо раненого командира тут было ещё несколько человек, в том числе, видимо, дети: я слышал тонкий голосок, в ответ на который кто-то из взрослых шикнул.

– Угадал. Не помнишь меня? Мне говорили, ты память потерял.

– Частично. Смутно помню.

– Что с тобой? Ранен? Почему тут один?

– Бой в городе вели, нас троих – пулемётчика и двух стрелков – в подвале завалило, прямое попадание чем-то крупным. Мне по колену прилетело, еле хожу. Я на стрёме стоял, поглядывал наружу, двое других выход откапывали. А тут за час до темноты увидел колонну наших, пленными вели. Там и парни из нашей роты были, и взводный, мой командир, раненый шёл.

– Игорев? – удивился лейтенант, они были хорошо знако-

мы.

– Да, наш старший. Пулемётчик разозлился и открыл огонь по конвоирам. У нас боезапас к тому времени почти закончился: у меня восемь патронов да у него полдиска. Но стреляли. Я все восемь патронов выпустил, троих немцев убил. Наши стали разбегаться. Взводный, которого, казалось, шатало от ранения и усталости, через забор легко перемахнул. А нас немцы гранатами закидали. Там сапожная мастерская была, я на себя кипу шкур и кож навалил, так и выжил. Слышал, как немцы по подвалу ходили, но меня не нашли, поленились шкуры перекидывать. Когда стемнело, выполз. Напарников не нашёл, выбрался наружу и вот двигаюсь к своим. Винтовка бесполезна, но как трость помогает.

– Знаю я ту бывшую сапожную мастерскую, хорошее место для обороны, – задумчиво протянул лейтенант. – А меня ранило в обе ноги, вот такие дела.

– Ничего, товарищ лейтенант, наши врачи поставят вас на ноги. Вы мне жизнь спасли, я вас вывезу. Око за око, добро за добро. Машину добуду, и уедем, управлять я умею.

– Думаешь, получится?

– На немецкой машине без проблем: все посчитают, что свои едут. Наши вряд ли далеко, так что доберёмся. Мы с вами не ходоки, поэтому только так. Да, а какую машину брать? Вижу, вы тут не один. Легковой хватит на всех или лучше грузовую?

– Грузовую. Тут одних только детей восемь, жена моя с

детьми, ещё соседи. Прячутся. Слышал, что местные с нашими людьми творят?

– Слышал.

На этом разговор закончился. Я с трудом встал и пошаркал к забору, со второй попытки перебрался через него и двинул к немецкой стоянке легковых мотоциклов. У меня была даже была возможность выбрать из семи штук тот, что поновее. Это был лёгкий одноместный одиночка модели БМВ. Пойдёт.

Пропустив патруль, я пошаркал дальше. Там за углом стоял привлёкший моё внимание бронетранспортёр «Ганомаг». Пусть шумная техника, но зато точно никто не подумает, что на нём чужие едут. У его кормы стояли три солдата – курили, общались. И чего не спят? Пришлось стрелять из «Вала». К счастью, обошлось без шума, одного подранка пришлось добить штыком. По-быстрому обыскал их – документы, трофеи. Оружие не брал, своего хватает, если только боезапас для карабинов.

Я уже глянул, десантный отсек «Ганомага» был пуст, задние двери открыты, на вертлюге – спаренные зенитные пулемёты МГ. Потянул на себя дверцу со стороны водителя, она скрипнула. Забрался внутрь, подсветил фонариком приборную панель, прикинул, как управлять. В принципе, несложно. Запустил движок – тот схватился сразу, тёплый ещё, – сдвинулся с места и покатил прочь. Тела трёх солдат убрал в хранилище.

Отъехав подальше, остановился на минутку, избавился от тел, а потом перебрался в десантный отсек: там вещей много, надо глянуть. В хранилище ушли две коробки с патронами для пистолетов и пистолетов-пулемётов, две камуфлированные накидки, плащ с пропиткой от дождя, мотоциклетные очки, две пехотные лопатки в чехлах и большая лопата (у меня вот не было), топорик, шинель рядового (будет со мной, пока советскую себе не достану) и два ранца. Потом гляну, что в них, я в ранец, доставшийся мне от водителя «кюбельвагена», тоже ещё не заглядывал. На борту заметил привязанный ремнями тук палатки, отстегнул и прибрал. Снаружи на бортах в держателях были пять канистр, тоже все забрал, это вещь дефицитная.

На «Ганомаге» я подъехал к забору и встал у калитки, сюда женщины должны были перетащить раненого лейтенанта. Вскоре калитка открылась, и я, выбравшись, помог затащить лейтенанта в десантный отсек. Потом и остальные забрались, сели на лавки, я показал, как дверцы запереть изнутри. Вернувшись в кабину, стронулся с места и покатил к выезду из города. Город я уже изучил, так что не плутал. Патрули только с дороги сходили, пропуская нас.

Когда мы уже покинули город и с включёнными фарами (это я под немцев маскировался) катили по дороге, над городом взлетели несколько ракет. Видать, трупы обнаружили или командир, лишившийся своей брони, тревогу поднял. А мы всё ехали. Чуть подальше свернули в поле, проехали

стоянку одной из немецких частей, да так и катили дальше. Немцы ракеты слали (думаю, таким образом они предупреждали «своих», что мы прямо к русским едем), а я мигал фарами и катил дальше. Думаю, именно мигание нас и спасло, иначе бы сожгли.

Наконец мы выехали на стоянку наших танкистов, там было несколько Т-26. Нас тут же осветили фарами, показывая, что мы на прицеле, но, к счастью, разобрались. Трофей танкисты себе забрали. Лейтенанта отправили к медикам (ему операция требовалась), гражданских – в тыл, а меня – рапорт писать. С танкистами были и стрелки из моей дивизии, сюда и комдив мой подъехал, лично опросил, что и как было. Я всё рассказал, что за день видел.

Потом меня осмотрел военфельдшер, мужчина. Шаровары еле стянули: колено распухло, ткань натянулась. Многие присвистнули, увидев чёрную гематому. Но военфельдшер, ощупав, сказал, что ничего серьёзного, только сильный синяк, который сам пройдёт, госпитализация не требуется. Вот гад!

Я написал рапорт и сдал документы убитых мной немцев. Пять их было: фельдфебеля, водилы и тех троих у бронетранспортёра. В рапорте отметил, что двоих убил у «Ганомага», остальных по пути: мол, шлялись по улочкам. Рапорт приняли, документы забрали, поблагодарили. Мои надежды на награду – всё же командира спас, броню угнал и своим передал – не оправдались. Видимо, не было. Но комдив снял

с руки часы и вручил мне как награду. Спасибо, конечно, но у меня уже есть одни на руке и ещё пять в запасе. Хотя поменял, теперь ношу часы комдива.

Так как ходок я тот ещё, а в этом месте стоял другой полк дивизии, не мой, меня на машине охраны, что была с комдивом, докинули до моего полка, всё равно мимо ехали. Там меня приняли, начштаба отметил, что я нашёлся, я даже свой батальон разыскал, тут и остатки роты обнаружались, едва на взвод тянули. Ротный в городе пропал, сейчас командовал взводный-два, тот самый. Пришлось ему подробно описывать, что да как со мной произошло в этот тяжёлый день.

Многие рыли окопы, готовились к новым боям. Вот и меня, выдав тридцать патронов и одну гранату РГД-33, отправили заниматься делом. Я быстро вырыл трофейной лопаткой стрелковую ячейку для стрельбы лёжа. Копать нормальную не стал: слишком устал. У меня в хранилище была одна шинель, да и та немецкая. Я её достал, на одну полу лёг, другой накрылся, да так и уснул в вырытой мной ячейке.

Проснулся я от шума движения множества техники. Сам проснулся, никто меня не будил, не тормозил. Странно. Сев, я осмотрелся. Пусто, вокруг никого, только земля и вырытые стрелковые ячейки. Лёгкий ветер носил пыль и мусор, а на дороге, в полукилометре от моего укрытия, отчётливо просматривались колонны немецкой техники и пешие

колонны солдат. Вдали виднелись окраины Владимира-Вольнского.

– А где все? – спросил я сам себя, осматриваясь. – Меня что, бросили?

В принципе, такое вполне возможно. Уходили ночью, а я так устал, что мог попросту не услышать команд. Да меня тогда и канонада бы не разбудила.

Как только я понял, в какую задницу попал, тут же лёг обратно: позиция-то на возвышенности, ещё увидит кто. Холм голый, как коленка, меня с расстояния километра без бинокля увидеть можно. И по-пластунски не уползёшь, тоже могут засечь. Блин, вот влип. По сути, теперь до самой темноты придётся лежать в ячейке. Или как-то попытаться к подножию холма спуститься, там уже пшеница разрослась, укроет. М-да, и ячейку не углубишь, пыль от работ тоже внимание привлечёт, а до ближайшей, что вырыта как полагается, метров семь. Может, рискнуть под маскировочной накидкой? Двигаться медленно, по полметра в минуту, возможно, тогда и не засекут.

Прибрав в хранилище шинель, винтовку и гранату, я накинул камуфлированную накидку и стал медленно покидать свою ячейку, двигаясь к соседней. Три минуты – и я на месте. Вроде суеты нет, никто ко мне не направился. Я медленно спустился в ячейку, тут и сиденье было, сел и осмотрелся. Да, боя тут не было, ушли по приказу.

Вчера, когда я добрался до роты, мне выдали три куска

подсохшего хлеба, жирную селёдку (вот когда она появилась в сухпае) и луковицу. Но на тот момент меня уже покормили танкисты, поэтому я убрал полученную снедь в хранилище, а сейчас вот достал и, помыв руки с фляжки, решил поесть. Уже начал было разделявать луковицу, а потом и рыбу, но вдруг замер. Чая хочу, а нет. Но есть отличная идея. Тут, в ячейке, неплохая ниша сделана; если её углубить, можно поставить керогаз и вскипятить воду. К тому же мне до темноты ждать, глядишь, какое-нибудь блюдо приготовлю, может, что мясное отварю. А то у меня один котелок со щами, и всё пока.

Так я и сделал. На керогазе вскипятил воды, заварил чаю, кинув кусочек сахара. После завтрака попил, остальное убрал в хранилище. Солнце начало припекать, и я догадался для защиты от него натянуть сверху накидку на распорках. Потом час убил, изучая три имеющихся у меня ранца. Всё ненужное (не так уж много этого было) из них достал, под ноги покидал, а затем ранцы с оставшимся содержимым вернул в хранилище – вещь неплохая, пригодятся.

Потом глянул на свои босые ноги: боты и обмотки были в хранилище, снял перед сном. Подумав, достал сапоги шофёра «кюбельвагена», намотал портянки и натянул. Потом даже привстал, согнувшись, походил на месте, хрустя ненужными мне трофеями на дне ячейки. Хм, сапоги сидят как влитые, даже снимать не хочется, точно мой размер, ни убавить и ни прибавить. Решено, буду в них ходить, главное,

чтобы проблем у меня из-за них не было, всё же немецкие сапоги от наших отличаются: у немцев голенища широкие, а у наших – зауженные. Как бы ещё за шпиона не приняли. Нет, лучше ночью в сапогах, они удобнее, а днём – в обмотках. Вот будут советские сапоги, тогда другое дело. А пока сапоги снял: с босыми ногами приятнее.

Что ещё за день успел? Например, расширил и углубил нишу, чтобы на керогаз поставить пятилитровый котелок. Тут проблема в том, что земля может сыпаться сверху в готовящееся блюдо. Но с чаем мне повезло, не было такого, и я рискнул. Воды залил до полного и, пока она закипала, полтушки курицы, что с ледника взял, разрубил пополам (на весу приходилось всё делать, разделочной доски у меня не было). Нарубив, отправил мясо в котёл. Потом картошку почистил, намыл, нарезал, отправил туда же. Пол-луковицы нашинковал – и следом. Морковь поскоблил: тёрки-то нет. Половину морковки наскоблил, остальное прибрал для следующего раза. Жаль, лапши нет, тоже кинул бы. Отличный суп на курином бульоне получился. Дал ему остыть и убрал в хранилище.

А обедал я щами. Без сметаны не то, но и так пошло за милую душу. Потом достал из хранилища десяток буханок хлеба, нарезал их кусками. Часть из них тушёнкой намазал, а на другие положил куски окорока. Окорок я забрал на леднике, а сейчас достал его из хранилища (а тяжёлый!), положил на колени и нашинковал тонкими пластинками, как раз

на бутерброды. Попробовал пару пластинок – вкусный. Холодец я попробовал на полдник, тоже отличный, и чеснока добавлено – прямо золотая середина. Только бочки с соленьями пока не доставал: места мало.

А под вечер заварил запас чая. Во всех трёх немецких ранцах было по котелку, неплохие такие, плоские, с крышкой. Я все три отмыл, залил водой, воду вскипятил, бросил заварки и чуток сахара, помешал. Когда чай настоялся и чуть остыл, убрал его в хранилище, так что теперь у меня четыре котелка готового чая. А в одном из ранцев я обнаружил термос на два литра, с какао, неполный, примерно две трети осталось. Ничего, вкусное какао, мне понравилось. У фельдфебеля во фляжке тоже, кстати, какао было.

Стоит отметить, что я здорово взмок: мало того что солнце пекло под сорок градусов, тень не спасала, так ещё и от керогаза жар шёл. Но я всё равно был доволен. Немцы на холме не появлялись, им были неинтересны брошенные советские позиции, так что день прошёл спокойно, не считая долгой канонады у меня за спиной: там шли бои, и не так далеко, километров пять от силы. Я уже разделся, сидел в одних кальсонах и всё равно был мокрым от пота, чай и вода меня не спасали, скорее усугубляли ситуацию. Я мечтал о тихих водах реки, от которой меня отделяло километров шесть. Вот бы искупаться.

За день, проведённый в тишине (всегда бы так), у меня было время поразмыслить. И знаете, что-то мне не нравится,

как со мной поступают в роту. В казарме с началом войны меня бросили, во время боёв в городе, когда нас завалило, бросили, и даже тут, на позиции, и то бросили. Это уже становится нехорошей традицией.

Я читал в книгах, как военнослужащие по несколько месяцев шли по немецким тылам, прежде чем выходили к своим. Некоторые, кто от границы шли, только в сентябре до наших добрались. Я тут подумал, и у меня сложился неплохой план. Конечно, до сентября ждать не стоит, но пара недель у меня есть. Покидать окрестности Владимира-Волынского я пока не буду. В городе есть рынок, а у меня – германские марки, трофейные. Куплю необходимое. Пока с готовкой мучился, уже прикинул, чего мне не хватает. Также нужно добыть гражданскую одежду и заполнить доверху хранилище, желательно оружием и едой – остальное, в принципе, есть.

Пока идут танковые сражения под Луцком и Ровно, я тут в тылу спокойно поживу, заодно и колено заживёт. Ну и поработаю – буду обстреливать тыловые колонны. Какая-никакая, а всё же помощь. Может, даже и существенная, если, к примеру, боеприпасы куда-то не успеют подвезти.

Когда стемнело, я прибрал всё своё, надел форму (тут причина банальна: исподнее белое, его в темноте видно) и, подумав, решил проверить другие ячейки. Нет, если кого ещё забыли, тот подал бы голос, и я бы услышал, но, может, что-нибудь забыли? Проверив ячейки моего батальона, я за час нашёл шестнадцать винтовочных обойм с патронами и

восемь гранат РГД-33 в нишах. Может быть, ещё бы что нашёл, но решил, что хватит, и так времени много потратил.

Потом достал велосипед (я теперь долго бегать не смогу, несмотря на уверения военфельдшера) и покатил в сторону речки, нажимая на педаль здоровой ногой; при этом вторую, с повреждённым коленом, старался беречь. Колено тупо ныло, но особых проблем с ним я не ощущал. Вот только опухоль всё не спадала. Надеюсь, река поможет.

Добравшись до реки, я прямо в форме прыгнул в воду. Всё равно в карманах ничего нет, а она уже заметно пахла. Потом форму снял, постирал с мылом и, выжав, повесил на ветках ивы. Сам также помылся с мылом, в том числе и волосы, а потом просто лежал в воде – какое блаженство. На берегу тархтел генератор: заряжал батареи дрона, планшета и ноута. В ячейке я это сделать не мог: размеры убежища не позволяли.

Выбравшись из воды, я собрался, влажную форму убрал пока в хранилище, подобрав себе другую из запасного комплекта, и покатил к окраинам города. В город уже пешком пришлось идти, а это не так быстро. Я искал, где можно добыть гражданскую одежду, а тут представился благоприятный случай. Я услышал шум, играла музыка, похоже, шла пьянка, а немецкие патрули не обращали на это внимания, как будто так и надо.

Мне это сразу странным показалось, и я подобрался к частному подворью, где шла гулянка. А когда увидел, как из

сарая вывели двух избитых девушек и сорвали с них платья, похоже, собираясь тут же во дворе приступить к насилию, мне сразу всё стало ясно. Бандиты, празднуют начало войны и то, что Советы ушли из города. Это подтверждалось и их разговорами, сопровождавшимися матом.

Сделать я ничего не мог: тут около сорока крепких мужиков и парней, многие вооружены. Что меня удивило, у бандитов были свои женщины, так они ещё и подбадривали своих мужиков, чтобы те «красных шлюх побольше драли». Я мужиков по любому валить собрался за наших девчат, это дело принципа, а теперь и их баб тоже (называть их женщинами после подобного я уже не мог).

В хату я проник через окно, охраны тут не было. Да и кого им бояться? Первым делом достал пакет со снотворным и растворил его в бутылки с самогоном, поставив бутылку поближе к входу. Минут через десять заскочила одна из бандитских баб и унесла бутылку с частью закусок. А я двинулся по дому, замирая и прячась, если в дом кто-то заходил, но это случалось редко, в основном все были в саду. На рынок уже не пойду, тут отберу то, что мне надо.

Я открывал сундуки, шкафы. Дом оказался зажиточным, а в подвале нашлось немало награбленного. Я подобрал себе отличный костюм по размеру, туфли, крепкие зимние ботинки на меху, пальто для осени, шляпу и даже нательное бельё. На кухне прихватил тёрку, разделочную доску и небольшой половник. В подвале среди награбленного забрал все четыре

имеющихся ящика с советской свиной тушёнкой и четыре коробки с макаронами. Была ещё домашняя лапша, видимо, хозяйка дома делала, засушила, в мешочке кило четыре будет, её я тоже прибрал.

Оружие в доме тоже было. Я отобрал для себя два пистолета ТТ с тремя запасными магазинами к каждому, два нагана, по полтысячи патронов к каждой единице, четыре цинка патронов к винтовке Мосина, два ящика гранат Ф-1. Особенно заинтересовали три винтовки: две СВТ (одна с оптикой, другая без) с подсумками запасных магазинов и винтовка Мосина, специализированная, с оптическим прицелом. Патроны к ним тоже специальные, поискал и нашёл один цинк. Забрал и винтовки, и патроны.

Пулемёты тоже были, но мне они без надобности: один ручник имелся, и хватит, а станковый Максима слишком тяжёлая бандура, нефиг место полезное занимать, лучше МГ иметь и патроны к нему. А МГ-34 среди оружия был, а также две «улитки» на пятьдесят патронов и два короба с лентами на двести. Вот его с боезапасом я и взял. Всё, хранилище полное.

Время от времени я выглядывал наружу, проверяя, не закончилась ли гульба. Наконец снаружи почти все уснули. Девчата без сознания (ещё бы, столько мужиков через себя пропустить), но вроде живы. Ну а дальше была рутинная работа. Я подходил к бандитам и их бабам и круговым движением ножа вскрывал им глотки острым ножом, взятым

на кухне. Живых не оставлял. Большинство спали, а кто не спал, находились в таком состоянии, что просто не понимали, что вокруг происходит. Так что проблем не возникло.

Под конец пробежался по двору – вроде все. Ещё раз пробежался, и нашёл-таки одного по храпу, доносившемуся из туалета. И ведь заперся изнутри, гад. Ножом подцепив крючок, я вошёл и дважды ударил – в грудь и горло. После этого у колодца вылил на себя ведро воды. Я ведь нагишом был: ещё не хватало кровью испачкать форму. Ополоснувшись, вытерся полотенцем, взятым в доме, потом оделся и надел немецкие сапожки. К слову, в доме обуви своего размера не нашёл, а снимать с бандитов... Да ну, найду ещё.

Вот так полностью собрался, каска на голове, подсумки, винтовка и сидор за спиной. Когда я подошёл и открыл створки сарая, на меня испуганно глядели три пары девичьих глаз.

– Свои.

– Мы знаем, – ответила одна, в форме командира-медика, старшего военфельдшера. Форма чуть порвана, на скуле синяк, но взгляд боевой. – Видели, как ты голым убивал этих нелюдей.

– А что голос не подали? А, боялись?

Судя по тому, как они смутились, так и есть. Фразу насчёт обнажёнки я пропустил, чай не дуры, должны понять, для чего это, поэтому перешёл сразу к делу:

– Ладно, тянуть не будем. Ваши подружки здорово мне

помогли, отвлекли бандитов, так что я смог поработать. Вы, девушка, врач, так займитесь пострадавшими, они без сознания, но живы. А мне нужен тот, кто умеет запрягать коней. Я городской мальчик и этому не обучен.

Врач занялась пострадавшими девушками, ещё одна вызвалась ей помогать, а третья согласилась помочь мне с лошадьми. Мы запрягли двуконную пролётку, та была подростокоренная, с колёсами-дутиками – куда мягче повозки, да и скоростнее. Дивчина ловко управлялась, а я больше мешался, так что побежал в дом. Нашёл и выдал медикам простыни, осмотрел одежду хозяйки, отобрав платья для пострадавших.

Потом заглянул в погреб, на ледник, а там три крынки с простоквашей да две со сметаной. Прибрал их, нашёл место. Как? Да просто. Два ящика с гранатами у меня были, и эти ящики место занимают. Я все гранаты снарядил и вернул в хранилище, а ящики бросил. Хватило места ещё на одну глубокую тарелку квашеной капусты из бочки, она тут ох неплоха. Потом в два мешка я собрал припасы со стола, такие, что быстро не испортятся, прежде всего хлеб. Заодно и девчат накормил, хотя их мутило от увиденного.

Девчата также вооружились тем, что сняли с тел бандитов. У старшего военфельдшера уже ремень появился, кобура, ремешок через плечо, другие девчата с карабинами Мосина. Дом я заминировал, усилив гранату канистрой с керосином – надеюсь, её хватит для детонации. Ну а потом мы

покинули подворье и покатали прочь. Я на козлах, помогавшая мне девушка – её звали Людой – рядом, остальные на двух мягких диванчиках. Изнасилованные девчата всё ещё были без сознания, мы занесли их в пролётку на руках.

Вот с выездом из города возникли проблемы, два патруля пришлось положить из «Вала». Документы их я собрал, после чего покинул городок и выехал на львовскую дорогу. А тут всё забито немцами, наши не так уж далеко отступили: пока я день переждал в ячейке, канонаду слышал с утра до вечера. Впрочем, я об этом уже говорил.

Мы проехали километров двадцать, не раз видели немцев, но они на нас даже внимания не обращали. Видимо, дорожные полицаи только днём работают. Кони запалились, я часто ускорял их, и за остаток ночи мы смогли уйти подальше от города. Когда начало светать, свернули с дороги в глубокую балку. Люда принялась распрягать лошадей. Одна из изнасилованных очнулась, вторая пока нет. Я сказал девчатам, что посплю, мол, больше суток на ногах, пусть постерегут. Еда в мешках, оружие есть, а дальше – бочаг с водой, пить можно и лошадей поить.

Вот так и уснул. По факту, вырубило меня. Это было утро двадцать пятого июня.

Проснулся я от разговора; говорили негромко, но мне хватило. Сонная хмарь ещё держала меня, но сна уже ни в одном глазу – похоже, выспался. Спал я на траве, используя вместо

подушки ладонь. Солнца не боялся, загорел уже до черноты, хотя тень неплохо было бы найти.

Судя по положению солнца, время перевалило далеко за полдень. Пошевелившись, я осторожно сел. А сев, обнаружил, что у нас прибавление. Восьмерых насчитал: капитан-пограничник, чей разговор со старшим военфельдшером меня и разбудил, четыре пограничника и три стрелка. Девчата кормили их едой из мешков и, судя по всему, те уже насытились, доедали последнее из того, что им дали. Обе пострадавшие девушки были в сознании, сидели на траве в тени пролётки.

Я тут же намотал портянки и натянул немецкие сапожки, застегнул ремень, пуговицу на воротнике гимнастёрки, согнал назад складки, натянул на голову пилотку и, встав, козырнул командиру.

– Боец, подойдите, – приказал тот.

Когда я, хромая, подбежал, он мельком глянул на мои сапоги (явно опознал) и велел:

– Представьтесь.

– Красноармеец Одинцов, первый взвод комендантской роты города Владимир-Волынский. Отстал от своих... третий раз. В городе харчей искал, увидел гулянку бандитов. Что там было... Дождлся, когда перепьются, и уничтожил всех.

– Всех? И женщин тоже?

– Не видел разницы. Бандиты любого пола для меня бан-

диты.

– Документы.

Делая вид, что достаю из нагрудного кармана, я достал из хранилища свою красноармейскую книжку и протянул её капитану. Тот как бы между прочим спросил, как звать командира роты, по взводным прошёлся. По его вопросам я понял, что он знал их лично. Я ответил на все его вопросы, лишь с двумя затруднился, но это объяснимо: я ведь майского призыва, не всё знаю. Потом командир уточнил, как это я трижды терялся. Вот я и рассказал, как меня сначала забыли у казармы, потом под завалами в городе, а затем и в ячейке, пока я спал. Он подивился, конечно, но документы вернул.

Примерно через час командир отдал приказ выдвигаться, он брал нас с собой. У девчат забрали оружие и патроны: пограничники сами на боезапас бедны были, даже я выдал две обоймы по приказу капитана. В пролётку посадили раненого из пограничников, меня, чтобы не задерживал их со своим коленом, и обеих пострадавших. Остальные шли рядом.

Я предупредил, что идти днём опасно, но меня не стали слушать. Впрочем, шли мы по полям, в обход дорог и, на удивление, пройдя к вечеру километров десять, немцам на глаза практически не попались. Вот только один «мессер» нас по полю погонял. В итоге двое убитых и один ранен. Зато к нам вышли порядка сорока бойцов и командиров, тоже нагонявших своих. Меня с пролётки согноли: раненых много, а я хоть и медленно, но сам могу идти.

Ночью мы наконец вышли к своим. Передовая. Линия стрелковых ячеек сорок пятой стрелковой дивизии – полно-профильных окопов за эти два дня я так ни разу и не увидел.

Меня сразу отправили к особистам: капитану я чем-то не понравился. А, понял, сапоги мои ему не понравились. Ну да, трофейные, я и не отрицал. Вот и начали работу со мной, параллельно проверяя и остальных.

У особистов я провёл около часа, а потом спасённые мной девчата налетели и меня отбили: бабий бунт, он такой – беспощадный и кровавый. Одного потрепали, но он вырвался и на яблоне сидел, её трясли, под смех штабных, стряхнуть особиста хотели. Да уж, ему теперь только переводиться, здесь шутками замучают. Остальные особисты, забаррикадивавшись, прятались в избе, через дверь уговаривая девчат успокоиться.

Впрочем, ничего у них против меня не было, так что мне вернули документы, в штабе полка выдали бумаги, чтобы мог добраться до своей дивизии, и отпустили. Других варягов, впрочем, тоже. Пока не было такой практики, чтоб ловить всех левых стрелков и приписывать их к своим частям, чтобы восполнить потери. До этого ещё не дошло. Мне пока повезло. Мне и винтовку вернули, моя, по номеру проверил.

Было утро двадцать шестого июня. Старшего военфельдшера отправляли к месту службы, пролётку – в медсанбат дивизии, а девчат, включая пострадавших, которых медики уже осмотрели и лечили, отправляли дальше в тыл, машина

уже ждала. Я попрощался с девушками и двинул было прочь. Где сейчас моя дивизия, мне сообщили, я знал, куда идти.

Уходя, заметил суету у дальнего амбара, там вроде размещался штаб стрелкового полка, на позиции которого мы вышли. Сейчас там строили бойцов, командир дивизии что-то вещал. Я заинтересовался и двинул туда.

– Что-что комдив сказал? – зашептал я на ухо одному из бойцов в строю. – Я не расслышал.

– Орден обещает за немецкого офицера, обязательно связиста.

– Да? – без особого интереса протянул я.

Знаете, жизнь – она как-то дороже. Остальные это тоже понимали, так что добровольцев не наблюдалось. Дурных нема.

Вообще, странно, ведь у каждой стрелковой дивизии есть свой разведывательный батальон. Почему генерал там клич не кинет? Всегда найдутся лихие парни, желающие рискнуть за награду. Дивизия свежая, только прибыла, особых потерь не понесла. А тут выстроили тыловиков, комендантский взвод. Может, и разведчиков полка, поди знай. Как-то всё это дурно пахнет.

Поэтому я развернулся и направился к машине: меня обещали вместе с девушками подбросить до ближайшего перекрёстка, потом им прямо, а мне налево вдоль передовой топтать к своей дивизии. Километров двадцать, а то и тридцать отмахать придётся. Бедное моё колено.

– Боец, кто разрешил покинуть строй?! – услышал я окрик за спиной.

Обернувшись, покрутил головой, но, похоже, обращались ко мне. Пожав плечами, я, хромая, вернулся к строю и, кинув руку к виску, доложил:

– Я не из вашей дивизии, товарищ генерал. После выхода из окружения получил направление в свою, вот сейчас отбываю. А подошёл узнать, что происходит.

– Даже так? Может, хочешь поучаствовать, боец?

– Не с моим коленом, товарищ генерал. Да и делиться не люблю. Вон трое добровольцев есть, пусть они награду зарабатывают.

– Что с ногой?

– Травма, накрыло артиллерией, куском кирпича прилетело. Фельдшер сказал, что за три недели пройдёт.

– Ясно. Свободен.

Я двинул обратно и, уходя, заметил, что уже знакомый мне капитан-пограничник (надо же, он ещё тут) стал что-то негромко объяснять генералу. При этом оба нет-нет да поглядывали в мою сторону. Что-то мне это не нравится...

Мои нехорошие предчувствия оправдались: меня сняли с машины. Машина с девчатами присоединилась к небольшой автоколонне, и они попылили в тыл. Я отметил, что зенитного прикрытия не было. Хм, чую, не доедут: немцев в небе хватало. Правда, и наши самолёты встречались, но всё реже и реже.

Дежурный по штабу полка, сняв меня с машины, сопроводил к амбару, где за столом сидел генерал. Мне, травмированному, сесть не предложили. Кроме генерала здесь были командир полка, майор и знакомый мне капитан-пограничник.

– Мне тут рассказали, что ты полсотни бандитов вырезал ночью. Это правда? – начал генерал.

– Было дело, товарищ генерал. Только они перепились, несложно было. За девчат мстил.

– Да, тут я с тобой согласен, сам бы их шашкой на куски порубил. Получается, ты в тылу у немцев не раз был?

– Так и есть, товарищ генерал, – подтвердил я, сообразив, с какой целью меня задержали.

– Хорошо. Разведбат у меня забрали – приказ из штаба армии. А сведения нужны как глоток свежего воздуха. Вот капитан Смаев вызвался пойти за немецким офицером, собирает команду. Ты парень не робкий, не теряешься в немецком тылу. Предлагаю присоединиться.

– Нет, товарищ генерал. Я не делюсь, и работать предпочитаю один. – Подумав, я понял, что, похоже, меня всё равно втянут в это дело, и это зачем-то нужно именно капитану, поэтому добавил: – Хотя добыть майора смогу, но один. Сам сделал – сам награду получил. Пусть товарищ капитан со своей командой охотятся на офицера, а я отдельно от них.

– Хм, добро. Будет офицер-связист – дам орден. За майора.

– Будет вам майор, товарищ генерал. Сколько у меня времени?

– Сутки.

Козырнув, я покинул штаб полка и, размышляя, направился к кухне. Вообще, нас уже покормили, но почему бы ещё не выпросить? А подумать было о чём. В этом деле не просто воняло – смердело. И замешан в этом был пограничник. Тот, кстати, расспрашивал меня, как мы город покидали да как я два патруля уничтожил. Вот честно, я голову сломал, зачем ему нужен разведчик-инвалид – я ж хромой. Участвовать в добыче пленного я не имел никакого желания, но понимал, что меня всё равно бы всунули, нашли бы способ.

Я договорился, что ночью буду переходить передовую, и меня довезли на телеге, на которой подвозили боезапас – всё меньше идти. Я выспался в укрытии командира роты одного из батальонов этого стрелкового полка. Наши здесь оборону выстраивают, никаких окопов, только россыпь стрелковых ячеек, а немцы наступают, стоят перед нашими войсками, в основном артиллерия работает и миномёты. Раз пять меня будили, гады, но попаданий в щель не было, и я засыпал снова. Потери среди наших были, но сбить их с позиций немцы не смогли. Оказывается, комдив приказал подпускать их поближе и бить в упор, а потом брать в штыки. Пару атак наши так отбили встречными контратаками, нанеся немцам существенные потери. Я в этом не участвовал, спал.

А как стемнело, я пешком двинул в сторону немцев. Ушёл

от своих подальше, а потом достал велосипед и покатил прочь. На мотоцикле, конечно, быстрее было бы, но это слишком шумное средство передвижения. А жаль.

Через какое-то время я заметил, что за мной кто-то следует, даже бежит. Поначалу думал, показалось, а потом понял: нет, тень, мелькавшая на границе восприятия, действительно была. Вот ведь. А тут я ещё сослепу провалился в яму, ну и решил, раз уж так случилось, посидеть здесь. Достал планшет, приглушил яркость экрана до минимума, чтобы меня не подсвечивал, и поднял в небо дрон.

Камера показала, кто меня преследует, и я совсем не удивился, опознав в преследователе одного из пограничников из группы капитана. Тот лежал метрах в пятнадцати от меня и, вытянув шею, поглядывал, что это я там делаю и что это, звеня и шурша, поднялось в небо. Знаете, была у меня мыслишка, что капитан во что бы то ни стало решил добыть немецкого офицера и, если сам не сможет, отберёт у меня, для этого соглядатай и присутствовал. Однако чуть позже я отбросил эту мысль: что-то тут не то.

Я поднял дрон на пятьсот метров и стал кружить, постепенно расширяя круг поиска – именно так я и собирался найти нужного немца. Достаточно обнаружить крупный штаб, а уж там я точно добуду майора-связиста. Как выглядят его знаки различия, мне подробно объяснили, даже картинку в книжице-методичке показали.

А тут я случайно засёк и группу капитана, они не так уж

далеко были, всего в нескольких километрах от меня. Встали недалеко от крупного соединения немцев, это была пехота, за ними я рассмотрел позиции двух дивизионов лёгких гаубиц. Одного пограничника капитан направил к немцам – похоже, глянуть что там и как.

Ну а я продолжал поиски. А потому как капитан меня интересовал, я не терял его группу из виду, время от времени поглядывая, что там у них происходит. И увидел, как наблюдатель-пограничник встал на ноги и, светя фонариком, пошёл прямо к немцам. Его встретили и после недолгого разговора повели к офицерам. А тем временем другие пограничники кинулись с ножами на бойцов полка из добровольцев, их было четверо. Сверкнули клинки – и быстро всё было кончено. Профи работали, мне до них далеко.

Всё сразу стало на свои места. Я так был уверен, что капитан свой, раз прошёл проверку в особом отделе штаба дивизии, да ещё знал моих командиров в роте, что у меня даже мысли не возникло, что он может быть немцем. Не предателем, а именно немцем в нашей форме.

Отреагировал я мгновенно: достал автомат «Вал» и тихо пристрелил его соглядатая – попадание в голову. Задумавшись, поднял горячую гильзу и вспомнил, что именно из этого оружия я и валил патрули. Не из-за этого ли капитан так мной заинтересовался? Новое тихое секретное оружие. Вполне может быть. Ну да наплевать.

Сбегав к нему, я собрал трофеи. Особенно сапоги пора-

довали: неплохие, и размер мой. Потом гляну, чья подошва, наша или немцев: бывают такие гибриды. В сидоре кроме сухая и боеприпасов обнаружил глушитель, а в кармане галифе – пистолет «Вальтер». Проверил – глушитель вполне наворачивался на ствол. Вот оно как. Прибрал.

Посмотрел, что там с группой капитана. Они уже ушли к пехотинцам, потом их отправили куда-то на машине, а часть пехоты – около двух рот, – подняли и начали прочёсывание, причём двигались в мою сторону.

А я к тому времени нашёл крупный штаб, вот к нему и направился. Да внаглую, на мотоцикле. А как иначе, если до него километров двадцать? Бак полный, разобраться в управлении было несложно. Так и покатил, да ещё и на дороге выехал, двигаясь с включённой фарой. Дрон показал мне, где располагались посты, а издали меня принимали за своего.

Дрон я поднимал ещё трижды, даже пришлось его один раз подзарядить. Но добыть нужного офицера я смог. Тут схитрить пришлось. Все же спали, кроме охраны, поди знай, есть тут нужный мне офицер или нет, а нескольких суток, чтобы его выслеживать, у меня не было. Поэтому я достал немецкое ПТР, заодно изучил, а то до этого времени не было, и, поплотнее прижав приклад к плечу, выстрелил в одну из радиальных машин. В бак попал с полукилометра – думаю, случайно, я вообще в мотор целился. Отдача, конечно, сильно лягнула, но терпимо.

Полыхнуло хорошо. Сразу возникла паника, машину пытались потушить, потом её отбуксировали, чтобы огонь на другие не перекинулся. Там трава загорелась, а от неё – ещё четыре машины и три палатки. Из палаток повылазило множество немцев, у многих френчи были накинута на плечи, вот я с помощью дрона и фиксировал где кто. Сделал запись и вернул дрон в хранилище. К тому времени как немцы немного успокоились, я уже просмотрел запись и нашёл то, что искал. Повезло, есть майор, и именно связист. И теперь я знал, из какой палатки он вышел.

Пришлось около часа подождать, пока всё окончательно стихнет. А потом я скользнул на территорию лагеря. Вообще, найти этого офицера было несложно, как раз там и «капитан» был со своими. Похоже, этого связиста использовали как приманку. Причём «капитан» уже в курсе, что я его бойца завалил: пехота, прочёсывающая местность, нашла его тело. Как я понял, там поставили посты с пулемётами, и если бы я попал под прочёсывание, то, уходя, как раз на пулемёты бы и вышел.

А майора выкрасть удалось без особых проблем. Я сам пристрелил и «капитана», и трёх его бойцов, плюс пятерых немцев, участвующих в засаде. Остальные делали вид, что их тут нет и им это совсем не интересно. После этого я угнал легковой автомобиль: не на себе же этого борова тащить. Кроме майора я прихватил целый портфель каких-то документов и карт.

Погоня организовалась быстро, но у меня было преимущество: я успел достаточно удалиться и скорость держал серьёзную. На наши позиции я въехал там же, где перешёл. Командиры были в курсе, что я вернусь на технике, заранее договорились, что, подъезжая, фарами помигаю. Правда, на въезде я попал в стрелковую ячейку, колесо вывернуло, но мы особо не пострадали.

Мне выдали двух бойцов для охраны и на телеге срочно отправили в штаб полка. Комдив уже был там – вызвали. Я выдал ему майора, и тот тут же умотал, а меня – в медсанбат. Так я и думал, что с наградой кинет. Договорённость у нас была такая – награда и дать мне отлежаться: колено-то болит, хожу с трудом. Ну, хоть эту мою просьбу комдив выполнил.

Перед отправкой в медсанбат пришлось ещё и рапорт писать. Про капитана я даже не упоминал: мол, не видел. Надо мне проблемы с этим? Ушёл и сгинул, ну и хрен с ним. Расписал по-простому: дескать, добрался до немцев, нашёл штаб, выстрелом по бензобаку поджёг машину и, пока немцы бегали да суетились, нашёл и выкрал нужного майора, заодно и машину угнал. Читалось это всё как сказка, но рапорт приняли и отправили меня в медсанбат.

Впрочем, долго полежать не пришлось. Хотя меня действительно лечили: на колени наложили страхующую повязку (как мне объяснили, её должен был наложить первый медик, диагностировавший травму), мазью мазали. В общем, я отдыхал, когда в медсанбат пришёл командир, отбирающий

добровольцев из легкораненых.

Нужен был заслон. Бои дивизия вела страшные. Уж не знаю, что немецкий майор наговорил, но забегали наши серьёзно, и армия начала отходить, выставив на остриё удара немцев сорок пятую дивизию. Сегодня, двадцать девятого июня, немцы с утра как раз кинули в бой свежую моторизованную дивизию СС, которая сильно потрепала нашу сорок пятую дивизию, но и немцы понесли существенные потери. Всё же сбить наших в обороне оказалось непросто, не помогли немцам ни авиация, ни артиллерия. Тем не менее дивизия отходила, потеряв половину личного состава и техники.

Подумав, я вызвался добровольцем: просто чувствовал, что так надо. Страх не было, я своё уже отбоился. Нас, почти сотню бойцов и командиров, перевезли на грузовиках, и мы начали готовить позиции – рыть стрелковые ячейки. А мимо шли подразделения дивизии, отход которых мы и должны были прикрыть.

С последними подразделениями появились и немцы, которые, похоже, рассчитывали на плечах отступающего противника вырваться на оперативный простор. Вот тут мы их и встретили. Я устроился чуть в стороне. Ячейка у меня для положения лёжа, углубить её я не успел, да и ни к чему было. Сменил свою «мосинку» на СВТ, снарядив магазины к ней патронами из своих запасов, и, когда был дан сигнал, открыл огонь.

В этом бою я впервые увидел чешские танки, их клёпаные

силуэты. К счастью, у нас было три сорокапятки, так что мы отбили атаку. Немцы потеряли девять танков, два броневика, шесть бронетранспортёров и девять грузовиков (пять из них были мои), а мы – два орудия из трёх и сколько-то бойцов прикрытия. Когда немцы откатились, мы снялись и пешком направились в тыл, пока наши позиции перемалывала немецкая артиллерия.

Стоит отметить, что из медсанбата в группе было едва ли два десятка бойцов, остальные – варяги, вышедшие на позиции дивизии при выходе из окружения. Комдив решил ими пожертвовать. А потери были: от сотни бойцов и командиров едва шестьдесят осталось. Мы прошли следующий наш заслон, который должен был встретить немцев, и начали готовить позиции у деревни, где я недавно лежал в медсанбате. Вообще, за двое суток нахождения в медсанбате мы дважды поменяли место дислокации: дивизия отходила, и медики дивизии переезжали вслед за ней.

Я снова принялся остро заточенной немецкой пехотной лопаткой копать стрелковую ячейку для стрельбы лёжа. Пришлось переждать налёт авиации, больше деревне досталось, но и нам прилетело. Медики большей частью уже ушли, последнее сворачивали и грузили, так что сильных потерь не было.

Вскоре мимо нас прошли бойцы сильно побитого переднего заслона, давшего нам возможность подготовиться, а за ними появились и немцы. Причём это были уже не СС, хо-

тя танки вроде их. В общем, смешанной группой атаковали. Мы неплохо проредили немцев, я насчитал одиннадцать уничтоженных мной солдат и два немецких танка. В этот раз я уверенно использовал ПТР: одной пушкой нам позиции не удержать.

Мешал огонь, стеной надвигавшийся на нас. А потом меня накрыл минный разрыв, отправив в беспамятство.

Очнулся я, видимо, вскоре: немцы ещё ходили по нашим позициям, собирали оружие. Я и очнулся в своей ячейке, когда два немца перевернули меня и обхлопывали карманы. Кстати, это точно вермахт, а не СС. Оружия не нашли, документы искали, а карманы у меня пусты. Я пошевелился и очнулся. Мне велели подняться, что я и сделал, хоть и с трудом.

Увидев лежавшую рядом каску с мятой верхушкой, понял, в чём дело: батальонная мина рванула метрах в десяти от меня, звон в ушах до сих пор стоял, но меня спасло то, что я лежал в ячейке. Один осколок чиркнул по каске, вмяв металл внутрь, настолько сильным был удар. К счастью, шею не сломало, но точно травмировало: я не мог ею поворачивать. Чтобы посмотреть в разные стороны, мне приходилось поворачиваться всем телом. Сознание заметно плавало, в ушах звенело, меня шатало, но я был счастлив, что остался жив.

С меня сняли ремень с подсумками и фляжкой – это всё, что нашли, – и один из немцев показал мне рукой в сторону. Развернувшись всем телом, я увидел группу наших (явно

пленные), сидевших на траве под охраной одного немца, и пошоркал в их сторону.

Всё вокруг было в воронках, наших погибло немало, выжили восемь бойцов, я был девятым. Присоединившись к группе, я тоже сел на траву. Одно меня радовало – на мне были привычные ботинки с обмотками, накрутил в медсанбате, когда добровольцем стал. Если бы меня нашли в немецких сапогах, мне бы точно каюк наступил.

А сапог у меня уже не было. Снабженец медсанбата выкупил у меня все наручные часы (остался лишь подарок моего комдива, но они стали трофеем одного из немцев, я запомнил какого) и все сапоги: и пару, снятую с фельдфебеля, и две других – с шофёра «кюбельвагена» и с поддельного пограничника. Уж больно хорошее предложение тот сделал, я не смог отказать. Пришлось сверху ещё накинуть пистолет «Парабеллум» с запасными магазинами и кобурой, и МП-40 (всё с того же фельдфебеля), а также ранец шофёра «кюбельвагена» с неплохими бритвенными принадлежностями.

К счастью на этом аппетиты снабженца закончились. Вот так и договорились, и я получил обещанное. Снабженцы тут выполняют договорённости, в отличие от комдива. А ещё генерал. Да, я получил медаль «За отвагу», наградил меня ею тот комполка, с позиций которого я ушёл за языком и к кому вернулся, сам ко мне в медсанбат приехал. Как всё это провернул интендант, не знаю, видать, были у него контакты с майором.

Обидно, я столько усилий приложил, а поход за языком закончился пшиком. Ладно хоть медаль смог выбить, пусть и таким нетривиальным способом. Вот так и получается, что, как не крути, медаль я купил. И остался при этом без сапог. Хорошо, что ботинки с обмотками сохранил, ими и пользовался.

Медаль немцы видели. Пока шёл к группе пленных, я отсоединил её от гимнастёрки и прибрал в хранилище. Наградная книжка уже была там, в стопке моих личных документов. Ещё потеряю, или отберут. Главное, чтобы немцы не узнали, что именно я увёл их майора.

Долго нам сидеть немцы не дали. Но и не стали сгонять в колонну и уводить, хотя уже три десятка пленных набралось, тут и медики были, что не успели уйти. Немцы осмотрели погибших советских воинов, собрали оружие и направили нас собирать тела и копать общую братскую могилу. Я попал в группу, что занималась переноской. Нам дали несколько шинелей и плащ-палаток из нашего же имущества, и мы вчетвером переносили тела по одному туда, где другие пленные копали канаву, углубляя её. Тела пока складывали в стороне.

А по дороге шла техника и пехота. Дорогу уже восстановили, ямы от воронок засыпали. Этим тоже занимались пленные. Сами немцы предпочитали сторожить и командовать, работать они не желали.

А я ждал заката. Часа через два стемнеет. Очень болела

шея, я морщился, но работал. Среди погибших были и две женщины: одна из деревни, другая из медсанбата. Мне было очень жаль их. Кстати, нас так и не покормили, хотя воду давали.

А когда братская могила была готова (мы похоронили сорок девять погибших), нас заперли в чудом сохранившемся сарае. От деревни вообще мало что осталось. Сарай этот тоже пострадал, часть стены выбило, но немцы сами его отремонтировали: пока нас по работам гоняли, здесь стук молотков и топоров стоял. У сарая выставили часового. Места в сарае было мало, но уставшие люди вповалку падали на землю и засыпали.

Вскоре стемнело. Немцы наконец угомонились, всё стихло.

– Товарищ лейтенант, – потряс я одного из пленных. Тот, как и я, был из варягов.

– Чего тебе? – также прошептал он, просыпаясь.

– Там тихо. Я могу часового снять и дверь открыть. Разбежимся.

– Дело, – оценил лейтенант моё предложение. – Надо бойцов и командиров поднимать.

– Может, потом? А то найдётся какой вражина, крик поднимет.

– Не веришь ты в своих, боец.

– Комдив меня орденом так и не наградил, хоть и обещал, а ведь он генерал. Если уж генералы врут, то чего от бойцов

ожидать?

– Эх ты...

Народ мы всё же подняли, всех по очереди. Рот закрывали, будили, объясняли ситуацию – и к следующему. Так что когда я убрал кусок створки ворот, где висел замок, а потом выстрелил в часового из вальтера с глушителем, все уже были готовы. Хлопок выстрела, который довольно явно прозвучал бы в ночной тишине, я заглушил сильным кашлем.

По-тихому прошли вдоль стены. Проходя мимо немца, я склонился над ним. Кто-то уже снимал с него карабин, другой расстёгивал ремень, третий дёргал за сапоги, а мои пальцы скользнули по его кисти и нащупали часы на запястье. Раз уж подарок комдива для меня потерян, эти будут заменой.

Вообще, у меня была мысль тихо слиться и уйти. Я решил двинуть к реке и там отлежаться несколько дней: шея и колено болели, и мне требовалось время, чтобы прийти в себя. А то к своим выйдешь, врач осмотрит и скажет: воевать можешь – иди воюй. В общем, ну их к чёрту. Вот восстановлюсь, там видно будет, а в таком виде я не боец.

Однако слинять не получилось: лейтенант (он тут командовал) ухватил за рукав гимнастёрки и велел нести раненых. Некоторые бойцы из раненых были поначалу бодрячком, а потом сомлели. Вот одного из таких раненых и мне пришлось нести. Мы вчетвером это делали. Молодцы наши, не бросили раненых, уважаю. И я не брошу. И не стоит скулить, что шея и колено травмированы, я не один такой. Ничего,

другие несли, и я смогу.

А наши были недалеко: мы до самой темноты слышали близкую канонаду. Нас шатало от усталости, трижды на отдых вставали, но под утро, когда уже светало, вышли к своим. Наш лейтенант, а он из артиллеристов, так распределил бойцов, что пока одни несли раненых, другие осуществили разведку и смогли найти тропку между немецкими частями, там мы и прошли.

Нас уже ждали: один из разведчиков ушёл вперёд и предупредил. Раненых на телеги, о них в курсе были, а нас, разоружив (три карабина у нас было, разведчики ещё добыли), погнали толпой в тыл. И, по стечению обстоятельств, пригнали к опушке роши, где находился штаб дивизии.

Нас-то, понятное дело, к особистам. А тут вдруг вышел комдив – видать, недавно проснулся и только освежился: шею полотенцем вытирал.

– Эти из плена бежали? – спросил он у старшего особиста.

Его взгляд с безразличием скользнул по мне, и это так меня взбесило, что я едко заметил:

– Короткая же у вас память, товарищ генерал. Как орден обещать, это вы первый, а как награду вручать за немецкого майора, так в кусты.

Взгляд комдива вернулся ко мне, задержался и, наконец, он меня опознал.

– Точно. Одинцов. Помню. Да, нехорошо вышло.

– Товарищ генерал, – откликнулся наш лейтенант, – имен-

но боец Одинцов вскрыл ворота и уничтожил часового, что позволило нам бежать.

– Ну, этот мог, – потирая шею полотенцем, согласился комдив. Позвав двух штабных командиров, он снова повернулся ко мне и сказал: – Извиняться не буду, обстановка требовала скорых действий. Награду вручу, обещал – сделаю. Но орденов больше нет, вчера последний ушёл, наградили за дело. Медаль получишь. Ну и прикажу документы тебе восстановить.

– Документы у меня есть, скрыл от немцев, сохранил.

– Тогда совсем хорошо.

Я достал, как будто из кармана красноармейских шаровар, красноармейскую книжку и передал комдиву, который тут же при всех прицепил к моей гимнастёрке награду, медаль «За боевые заслуги», с подозрением глянув на след от другой награды. А штабные командиры оформили наградные документы, чуть позже передав их мне вместе с красноармейской книжкой. Их я потом убрал в хранилище.

А мне генерал сказал:

– За майора хвалю, но за отсутствие чинопочитания – три наряда.

– Есть три наряда, – козырнул я: пилотку-то мне удалось сохранить.

В целом я был доволен: две медали по совокупности вполне тянут на обещанный орден Красной Звезды.

После того как особысты меня опросили, направили к ме-

дикам. У них я задержался: меня осмотрели, поставили диагноз, назначили лечение. Правда, остаться я отказался. Внимательно выслушал рекомендации, а после, получив направление в свою дивизию и выяснив, где она сейчас находится, покинул расположение сорок пятой стрелковой дивизии и отправился искать свою, восемьдесят седьмую. К слову, обе дивизии входили в один стрелковый корпус, так что не так уж и далеко идти. Про полученные наряды никто и не вспомнил, когда я уходил.

Сутки я отлёживался в кустах на берегу озера, успев немало сделать за это время. Зарядил генератором батареи дрона и планшета, внимательно осмотрел содержимое «кюбельвагена», что-то оставив себе, а ненужное выбросив, заправил машину и мотоцикл. Потом завёл авто и чуть покатался, пробуя на ходу. Нормальная техника, пойдёт.

Соленья в бочках достал и снова убрал в хранилище, но уже без тары (да, так можно), а бочки оставил на берегу: много места занимают. Ну и другое имущество перебрал, стараюсь облегчить всё по максимуму, в большинстве случаев избавляясь от упаковки. Так что пока купался и отдыхал, освободил хранилище почти на четыреста килограммов, а это очень даже неплохо – столько свободного места иметь.

Однако пора было отправляться в дивизию: время в направлении проставлено чётко. Часть пути проехал на мотоцикле, часть – на велосипеде. Прежнюю форму я выкинул, так как после боя и плена она была в плохом состоянии, и

достал новую из запасов. Исподнее постирал и высушил, ремень и подсумки были, ботинки и обмотки старые, винтовку свою достал из хранилища, сидор, каска, обе медали на груди. В таком виде я и вышел в расположение своей дивизии.

Комдив был тот же, генерал-майор. Ранен, рука на перевязи, но вполне бодрый. Вышел из штабной палатки.

– Ты откуда такой красавец взялся? – спросил у меня генерал.

Я стоял рядом с дежурным командиром, изучавшим мою красноармейскую книжку и направление.

– Красноармеец Одинцов, товарищ генерал. Простите, не сберёг я ваши часы, были потеряны.

– Вспомнил. Я наградил тебя ими за вывоз раненого командира и захват немецкого бронетранспортёра. Откуда награды?

– Одна за захват немецкого майора-связиста, наградил командир полка из сорок пятой дивизии, а вторая – за побег из плена. Был в плену в течение восьми часов, но смог открыть запор и убить часового, что позволило остальным пленным в составе почти сорока человек выйти к нашим. Тут меня комдив награждал.

– Даже так? В сорок пятой, значит, геройство проявлял. Как так получилось?

– Да после того, как вышел к своим, уснул в ячейке, и про меня забыли. Проснулся, а рядом никого. Позиция открытая, немцы недалеко были, обнаружили бы, поэтому при-

шлось темноты ждать. Как стемнело, в город ушёл: жрать хотелось. А там бандиты на частном подворье гуляли – украинские националисты праздновали начало войны и уход Советов из города. Там были пять наших девчат, две попали под групповое изнасилование. Я видел и ничего сделать не мог. А когда бандиты перепились, взял нож и всем шеи перерезал. Девчат освободил, пролётку забрал, и мы смогли покинуть город. Потом встретились с пограничниками и вышли вместе с ними на позициях сорок пятой дивизии.

А там комдив уговорил меня поучаствовать в операции по взятию немецкого связиста-майора, и я смог добыть такого офицера в одиночку. После этого меня направили в медсанбат с травмированным коленом, сказали, серьёзная травма, а наш-то медик, скот и коновал, в окопы направил: мол, ничего страшного.

А потом, когда немцы прорвались, добровольцев вызвали, медсанбат прикрывать, пока тот эвакуировался. Я и вызвался. Шесть танков подбили, полроты положили, пока нас миномётами и гаубицами не накрыли. Меня травмировало: осколком по каске прилетело, шея повреждена, не могу поворачивать. Очнулся в плену. Потом мы бежали, и вот я до вас добрался.

– Любопытный ты боец.

– Из особого отдела сорок пятой уже сообщали о бойце Одинцове, – выступил вперёд начальник штаба дивизии. – Проверка ими проведена.

Больше вопросов ко мне не было, только в штабе опросили, внесли новые данные в документы, записали номера наград, а потом отправили в медсанбат. Там меня обследовали и оставили у себя, назначив лечение и полный покой. А отлежаться мне действительно необходимо.

В медсанбате я узнал последние новости по дивизии. Оказалось, она в окружении была, всего два дня как вырвались, тогда же и комдива ранили. Причём коридор навстречу пробивала именно сорок пятая стрелковая дивизии. Надо же, а я не знал. Похоже, пленение того майора-связиста многое изменило в истории: за город держаться не стали, бои за него быстро сошли на нет, выровняли линию обороны и пока продолжали сдерживать атаки противника.

Трое суток я благополучно кочевал с медсанбатом: за это время дважды меняли его местоположение. Маскировались, зенитки для охраны есть, уже все знали, как немецкие лётчики любят сбрасывать бомбы и штурмовать именно красные кресты. Бои шли страшные, уже танковые сражения начались.

И вот как-то к нам в палатку зашёл командир, из штабных, я его помнил. Он осмотрел помещение, где на койках, а то и просто на матрасах, брошенных на землю, лежали выздоравливающие бойцы из легкораненых, и спросил:

– Кто умеет водить автомобиль?

Мы запереглядывались: во что ещё наше любимое командование решило нас втравить? Голоса никто не подавал – мо-

жет, действительно, не умели. Наконец один руку поднял, но он комсорг роты, должность обязывала впереди быть. А вот я поднимать руку и не подумал: у меня шея только-только начала крутиться, а колено расцвело всеми красками, но хоть опухоли уже нет. Я ещё восстанавливаюсь. Недолеченные травмы в старости скажутся, а я этого не хотел, потому что желал дожить до этой самой старости. Нет у меня желания бросаться в бой с пеной на губах, я просто хочу дожить до конца войны, честно пройдя её. И если будет такая возможность, я постараюсь не лезть туда, где особенно опасно.

Однако всё решили за меня. Комсорг, который лежал здесь с лёгким осколочным ранением в ногу, обратился ко мне:

– Одинцов, ты же умеешь управлять? Сам рассказывал, как майора немецкого выкрал.

– У меня нет шофёрского удостоверения, – попытался съехать я с темы. – Да и не долечился ещё, шея почти не крутится.

– Удостоверение мы тебе организуем, боец. Собирайтесь, жду снаружи.

– Какая же ты скотина, а ещё комсорг, – с чувством сказал я, когда штабист вышел.

Тот, непонимающе лупая на меня глазами, спросил:

– А что не так? Нашим же помогать надо.

– Вот и помогай. А я ещё не вылечился. Помогать можно, но хорошо бы быть при этом здоровым.

– А ещё герой, с двумя медалями, – заметил кто-то из дальнего угла.

– Опа, у нас ещё один доброволец? – сразу отреагировал я.

В ответ промолчали.

Пришлось собираться. Тут и капитан зашёл, он наши документы в архиве медсанбата получил, выдал нам на руки. Оружие при нас было, мы же легкораненые. Каска у меня пока на ремне, мне её ещё месяц, а то и два носить не рекомендуется, сидор за спиной. Вышли наружу и погрузились в открытый кузов старой убитой полуторки, где уже сидело с десятков бойцов. Машина стронулась с места и попылила прочь, куда-то в тыл.

Было четвёртое июля, полдень примерно. Жара, на небе ни облачка. Я не мог крутить шей, чтобы отслеживать небо, но остальные именно этим и занимались: мало ли «охотник» повстречается. Если отвлекались, я напоминал. Один раз действительно пришлось по полю гонять, уходя от атак двух «мессершмиттов». К счастью, их вовремя заметили, обошлось, и машина не пострадала, но страху натерпелись все.

Через два часа, проведённых в дороге, мы въехали на территорию какой-то железнодорожной станции. Оказывается, прибыли новые грузовики с завода, и нашей дивизии выделили, в счёт восполнения потерь, пятнадцать грузовиков. Все модели ЗИС-5, две машины с прицепами. Их уже выгрузили с платформ, и эшелон давно ушёл, вот и нужно было

срочно их забрать, а то найдутся ушлые, уведут. Вот потому так спешно и собирали всех, кто был свободен и мог управлять. Нас встретил зам по тылу дивизии, охранявший технику.

Возвращаясь назад за рулём машины, я прикинул и решил: а почему бы мне в шофёры не податься? Если документы будут, то вполне возможно. Однако меня обманули: грузовик я до дивизии перегнал, а там уже шофёр на него нашёлся, и удостоверение мне не сделали, вернули в медсанбат долечиваться. А вообще, идея стоящая, стоит её обдумать. Хотя тут тоже палка о двух концах: хочу на грузовик, чтобы по тылам мотаться, а возникнет надобность – пошлют на боевую технику, а там и в бой.

И снова мне не дали долго полежать в медсанбате: седьмого июля приказом включили, как легкораненого, в охрану санитарного обоза, направляющегося в тыл. Бои шли страшные, раненых было много, вот и сформировали очередной обоз. Несколько уже отправили, и они были обстреляны – видать, работали летучие группы, проникающие в наш тыл, может, десантники, ими тут всех пугали. Так или иначе, обстрелы случались.

Для охраны собрали целое отделение, командовал сержант-артиллерист. Выдвинулись мы под вечер. Семнадцать повозок и телег, из них двенадцать – арендованные телеги местных жителей. Хозяева сами вели лошадей.

– Герман! – вдруг услышал я.

Поначалу даже не понял, что это меня зовут с одной из телег. Поправив ремень винтовки, подошёл, почти не хромая.

– Точно ты, – слабо улыбнулся, глядя на меня, раненый боец.

А я рассматривал знакомое лицо и никак не мог поверить, что это Олег – тот самый пулемётчик, с которым я был блокирован в подвале двадцать третьего вечером.

– Олег?! Здорово, чертяка. А я думал, вы в плен попали.

– Да мы попали, только я утёк через пару дней. А Слава погиб, его часовой застрелил.

– Ох ты ж...

Я так и пошёл рядом с неспешно двигавшейся телегой. Другие бойцы – что в головном дозоре, что замыкающие, – занимались делом, охраняли. Но тут поля, видно всё вокруг на километры, так что больше за небом следили.

– Ты сам как выбрался? – спросил Олег.

– Шкуры на себя завалил, так и сберегся от гранат, даже не оглушило. А когда немцев услышал в подвале, понял, что с вами всё: или убиты, или в плену. Как стемнело, выбрался, угнал бронетранспортёр и вывез раненого командира с семьёй и гражданскими. Командир оказался тот самый, что сердце моё заставил биться, когда я по голове получил.

– Знаю его. А меня вот ранило: в контратаке от штыка увернулся, а от очереди пулемётчика – нет... – Лицо Олега было покрыто мелкими каплями пота, он немного помолчал,

набираясь сил, и спросил: – Где смог медали заработать?

– В соседней дивизии. Помог нашим из плена бежать да взял в плен немецкого майора, за это и дали.

– Герой. Сейчас где?

– В медсанбате как легкораненый. Нога-то травмирована, про это ты знаешь, а потом, когда немцы прорвались и мы медсанбат сорок пятой дивизии защищали, мне ещё осколком по каске прилетело, сознание потерял, очнулся уже в плену. Шея была травмирована, не поворачивалась, ещё лёгкую контузию выявили, звон в ушах недавно только прошёл, вот и лечусь. Как легкораненого направили на охрану санитарного обоза.

– Да уж, покрутило нас.

– Это точно. Кстати, я вчера подал рапорт в штаб дивизии, он как раз рядом с медсанбатом развернулся. Машиной управлять умею, только шофёрского удостоверения нет, а шофёров не хватает, уже клич кидали. Нашим штабистам тоже проще: отправлять на учёбу не надо, готовый специалист, только удостоверение выправить – и сажай за баранку. Жду ответа пока.

– В тылу хочешь отсидеться? – хриплым голосом спросил один из раненых. Нас вообще все в телеге слушали, включая возницу, что вёл лошадь за повод, вот один из раненых и подал голос.

– Герман труса никогда не праздновал, – разозлился Олег. – Знаете, сколько он немцев набил из своего винта-

ря? Шофёры тоже потери несут: и под обстрелы попадают, и авиация за ними охотится.

Я правду сказал: вчера рапорт подал, ответа пока не было. А вообще я подумывал, как дожить хотя бы до конца этого года, о конце войны даже и не думаю пока – рано. Рассматриваю возможность подать прошение о направлении меня на курсы командиров, младших лейтенантов. Три месяца обучения – и вылупляется молодой взводный. Сам слышал, что уже отправили первую группу бойцов. Да, три месяца в безопасности, но, с другой стороны, взводные живут просто мизер; простому бойцу-окопнику, который особо не высовывается, выжить куда проще. Если не получится в шофёры уйти, не расстроюсь.

– Пускай. Каждый имеет своё мнение, так что тут кричи не кричи, всё равно так думать будут.

Мы ещё немного поговорили с Олегом, а тут темнеть начало, и сержант направил меня в дозор. Я и отправился. Чуть позже, оставив напарника одного, дошёл до сержанта и сказал, что видел тени в стороне, отсветы фонарика, хочу глянуть, кто там.

Обоз уже остановили, и к нам подошёл старший над нами, старший военфельдшер Лукин, круглый, как колобок, мужчина в очках. Кстати, мой лечащий врач. Тот выяснил, в чём дело, но командовать не стал, явно отдав принятие решения старшему охраны, нашему сержанту.

– Возьми кого-нибудь, – велел сержант.

– Товарищ сержант, он же выдаст нас. Мне проще одному, я хоть в темноте вижу. Если немцы, закидаю гранатами и утеку.

– А у тебя что, гранаты есть? – удивился сержант. У нас были только винтовки, по тридцать патронов на ствол плюс один ручник, и всё.

– РГД, три штуки.

– Дай мне одну.

Я передал ему ручную гранату, достав её из хранилища. Врач сказал, что пока займётся ранеными, да лошадям дадут отдохнуть, а после двинем дальше. В общем, у меня полчаса на разведку.

На самом деле ничего я не видел, придумал всё. Мне это нужно было для того, чтобы отбежать и достать дрон – хочу изучить окрестности. Идти нам долго, дня два топать: ближайшая железнодорожная станция аж в шестидесяти километрах, там медицинский сортировочный узел, туда приходят санитарные эшелоны, туда мы и направляемся. Причём неспешно, так как раненых нельзя сотрясать. На одной из телег везли припасы в дорогу, как раз на два дня. Нам сухпай на три дня выдали, бойцы в сидорах несли, а мой – в хранилище.

Проверил дроном – вроде чисто. А вернувшись, сказал сержанту, что это тыловики из сорок пятой стрелковой дивизии, наших соседей. За ночь я дважды ещё отбегал: были какие-то мутные группы. Но ночь у нас прошла без про-

блем. Часть следующего дня мы отдыхали на берегу озера, там росли деревья, которые нас скрыли. Я, когда на часах не стоял, из воды не вылезал. Вечером, за два часа до темноты, мы двинули дальше и к ночи добрались до места.

Раненых сдали. У нас за эти три дня трое умерли в дороге, мы их в деревнях оставляли, договариваясь с местными, что похоронят на погосте. Сдав раненых, нагрузили на освободившиеся телеги боеприпасы, припасы, медикаменты и всё, что нужно воюющей дивизии, и отправились в обратный путь.

Вот на обратном пути мы чуть не встряли, но я подкрался и закидал немцев гранатами, а потом пустил в небо осветительную ракету. Наши подумали, что это сделали немцы, так что наши стрелки и пулемёт тоже поучаствовали. Немцы бой не приняли, отошли, а я в темноте успел собрать отличные трофеи. Теперь у меня два МП-40 с боезапасом и подсумками, пистолеты и немецкий карабин с оптическим прицелом – целый, осколками не побило.

Однако больше всего порадовали три тюка спальников – зелёные, армейские, облегчённые, осенне-весенние, для зимы тонковаты. Не знаю, зачем они немцам, лето ведь, ночью тепло, но вот были. Два попорчены осколками, но их я зашью, а один цел. Редкое и ценное приобретение. Нашёл ещё два рюкзака (не ранцы, где сверху шерсть телёнка, а нормальные), десантные, видимо; тоже чуть попорчены, но не беда, зашью. Пригодятся. Я даже сапоги снял, что уж про

остальные трофеи говорить. Двух подранков добил, семь тел было, и все – моя работа.

А когда мы вернулись, меня затребовали в штаб дивизии. Дохромав до него (колени разболелось от долгой ходьбы), я был направлен к начальнику штаба дивизии.

– Видел твой рапорт, боец, но по нему отказали. Пришёл приказ направлять опытных бойцов и командиров в школу младших лейтенантов, готовить командиров взводов. Сам знаешь, какая у нас убыль в командирах. Ты у нас легкораненый, как раз долечишься за три месяца. Десять классов закончил, награды имеешь, вполне подходишь, нужно только звание тебе дать. Приказ комдивом подписан. Вот направление, младший сержант Одинцов. Сейчас документы тебе поправят, и через два часа с ещё тремя будущими средними командирами с попутной машиной отбываешь в Киев, где находится школа. Удачи, боец.

Надо сказать, я был ошеломлён. Очнулся, только когда мне поменяли информацию в красноармейской книжке. Саму книжку менять не стали, просто вычеркнули моё звание красноармейца и вписали новое. Теперь я младший командир. Все документы, необходимые для поступления в школу командиров, забрал старший нашей команды, он передаст их, когда прибудем в школу.

Тряхнув головой, я сходил к кухне, где мне выдали чай и перловую кашу в качестве ужина – вечер был. Ужиная, я осмысливал случившееся. Командиром становиться я не

особо хотел: напомним, что для немцев командиры – цель номер один, обычные стрелки им не так интересны. Однако, судя по всему, командиром я как раз и не стану: учиться три месяца, выпуск в октябре, а уже в сентябре Киев с массой войск попадёт в окружение. Наши командиры любят кидать курсантов в бой – скорее всего, и с нами так же будет.

А там закрутится, и останусь я младшим сержантом, как и был, а то и вовсе простым красноармейцем. Однако два месяца в тишине, которые позволят мне восстановиться – это лучшее из того, о чём я мечтал. Так что решение комдива мне нравилось: я, получается, в плюсе, как ни взгляни.

Тут меня позвали. Я сходил и сдал винтовку: никто меня с ней в тыл не опустит, тут есть кому её вручить, роты пополнения часто прибывают в дивизию без оружия. Номер винтовки из красноармейской книжки уже был выписан, подсумки я сдал, а вот ремень оставил. А тут и машина за нами пришла, и мы направились в тыл.

Машина полна, лавок нет, на полу устроились, прижимаюсь друг к другу, сидоры на коленях. Пятеро ехали в школу командиров, а остальные – попутные пассажиры, в основном интендант да его помощники. Кстати, в кабине машины ехал начальник политуправления дивизии, которому срочно что-то в тылу понадобилось. Если б не он, мы с каким-нибудь обозом добирались бы, а так быстрее получилось, уже ночью были на станции.

Под мерное покачивание машины все дремали, я даже

уснуть смог. Вот такие полусонные мы и забрались в санитарный эшелон, который уже готовился отходить. Свободных мест не было, ехали в тамбуре. Эшелону везде зелёный свет, так что быстро добрались до города, а там и школы.

Между прочим, нас включили в ту же группу, где учились другие курсанты из нашей дивизии. Мы от них на неделю отставали, и вот включились в учёбу.

Сказать, что мне было тяжело – значит ничего не сказать. Чёрт, да я когда учился-то? Хорошо, что можно было потерю части знаний свалить на амнезию в результате травмы. Один из преподавателей даже ворчал: мол, зачем прислали контуженого? Однако другие парни здорово мне помогали, да и сам я всё свободное время, которого и так было мало, тратил на самоподготовку. Так что, в принципе, поспевал за остальными, был в середнячках. А парней за помощь подкармливал из своих запасов, потому что кормили в школьной столовой если не отвратно, то близко.

Учёба шла, месяц пролетел, как и не было, я даже не заметил, с такой-то нагрузкой. А давали действительно многое, и довольно интересное. Да и я за это время успел восстановиться. Меня наблюдал школьный врач, которому я передал заметки своего врача Лукина, и он поглядывал, чтобы нагрузка по физподготовке была для меня пока щадящей. Вскоре колено перестало давать о себе знать, да и шея тоже прошла.

Боевые действия шли так, как я и помнил. Бои на Смо-

ленском направлении были серьёзные, но город немцы уже взяли. Шли бои за Ленинград. На юге всё было плохо: наша армия попала в окружение, Николаев уже взяли, скоро за Крым возьмутся.

Честно говоря, информации поступало крайне мало, новости мы узнавали в основном от новичков, прибывающих ежемесячно. В казарме целые словесные баталии шли на эти темы. Я в них не ввязывался, не люблю словоблудие. Не хотел говорить правду, всё равно никто не поверит. Успокаивать курсантов не моя работа, а комсорга, что тот и делал. А вообще я на курсе пользовался довольно большим авторитетом: хотя награждённые медалями и орденами тут имелись, лишь у меня одного их было сразу две.

В середине августа – это было семнадцатое, воскресенье – мы получили увольнительную. Утром вшестером покинули территорию школы и прогулочным шагом направились к остановке трамвая. Это была наша первая увольнительная, и парни обсуждали, куда пойдут. Хотели везде и всюду, но в итоге договорились пойти в кинотеатр на какой-то фильм, а потом в парк, где девчат хватает. Ну, может до войны и хватало, а сейчас – сомневаюсь.

– Что вы на меня смотрите? – спросил я, когда все повернулись ко мне. – Это ваши планы, держайте. А я на рынок: кое-что прикупить нужно.

Тут же выяснилось, что и другим тоже ну вот прямо срочно что-то там нужно прикупить. Так мы и поехали все вме-

сте в переполненном трамвае.

Что мне не понравилось, так это легковушка, обычная на вид эмка, которая тронулась с места и покатила за нами. В машине шторы, и сколько там народу, не видно. А катила она точно за нами. До рынка был маршрут с пересадкой, и как они ни старались не выдавать себя, движение автотранспорта было не настолько массовым, чтобы затеряться. И видимо, запасной машины у них не было, использовали ту, что была.

Меня это очень напрягло. За кем идёт слежка? За мной или за кем-то из парней? Почему-то мне кажется, что интерес был именно ко мне. Кто это? Спецслужбы? Да на черта им следить? Могли ведь прийти, вызвать с уроков и поговорить со мной. Нет, это, скорее всего, немцы. Привет от «капитана»-пограничника? Вполне может быть. Неужели немцы так заинтересовались гильзами от «Вала», что пошли на всё, чтобы меня разыскать? А кто оставил эти гильзы, они знали: я сдал документы убитых патрульных. Да и когда майора-связиста брал, и «капитана» с его людьми валил, не только автомат использовал, но и «глок», а эти патроны, если не ошибаюсь, начали производить в двухтысячных.

Версия зыбкая, но слежка была.

Мы доехали до рынка и соскочили с задка: внутри трамвая свободных мест не было, держались друг за друга. Ну а дальше двинули к входу на рынок. Машина же проехала дальше и завернула за угол. Ну, меня такой уловкой не об-

мануть.

Договорившись с парнями через час встретиться у входа на рынок, я направился вглубь рядов. По пути незаметно достал армейский вещмешок: с ним я меньше внимания буду привлекать. К слову, нам выдали форму курсантов, не знаю зачем: мы могли бы и в своей форме учиться, а тут средства потратили на наше обмундирование. Не понимаю. Хотя форма была неплохая, до меня её один-двое носили, мне она нравится. Кроме того, выдали отличные сапоги. Парни, которые, как и я, были в обмотках, тоже радовались. А свою красноармейскую форму и обмотки я сохранил. На память.

Время было полдесятого. Я надеялся найти то, то хотел купить, что это ещё не успели распродать. А деньги у меня были: в доме вырезанных мной бандитов я нашёл несколько мест, где лежали деньги, общая сумма составила около тридцати тысяч советских рублей, что очень неплохо. Были ещё золотые украшения, и много, но это НЗ, для мирной жизни.

Помня о слезке и внимательно поглядывая по сторонам, я стал закупаться. У меня готовая еда к концу подошла, я ведь не один ел, вон сколько проглотов молодых. Чую, я тут оставлю немало средств. Первым делом направился в молочные ряды. Ну, прям молочных тут нет, но поспрашивал у местных, они подсказали, где можно купить. Простоквашу я уже выпил, от сметаны тоже ничего не осталось. Крынки помыл, вот с ними и стал закупаться, потому что если брать в таре продавца, то выходит очень дорого.

Я как делал: мне заливали в крынки сметану (она была свежая и вкусная, я пробовал), я убирал крынки в мешок, уходил, опустошал содержимое в хранилище и, возвращаясь, снова наливал. Шесть заходов за сметаной – литров двадцать, получается, купил. Потом простокваши пять крынок (больше не было), флягу молока литров на пятьдесят. Тут пришлось подумать, как убрать флягу в хранилище, но удалось сделать это без свидетелей. Творога купил килограмма четыре, сыров разных килограммов сорок, даже козий был. На этом всё.

О нет, купить я желал ещё немало – да даже хлеб, несмотря на то, что у меня ещё было чуть больше двухсот буханок. Но заметил соглядатая, слишком часто он мелькал. Работал профи. Похоже, один. Причём он явно обратил внимание на то, что вещмешок вмещает куда больше, чем можно предположить, глядя на него. Блин, спалился. Так что продолжать делать покупки на виду у соглядатая я не мог. Надо от него избавиться.

Закинув вещмешок за спину, я двинул к мясным рядам. По пути купил у двух торговцев солёное сало. Было и копчёное, но осталось мало – два килограмма. Тоже взял и убрал вещмешок. Парней своих я иногда видел, мелькали в других рядах, один так с петушком на палочке шёл и жмурился от удовольствия.

Я быстрым шагом покинул рынок и двинул в сторону жилых многоквартирных домов. Пройдя два дома, зашёл в

подъезд третьего и, мигом взлетев наверх, подошёл к окну. Я видел, как тот парень подошёл к подъезду и зашёл внутрь, но только на шаг, внимательно слушая. Двери не хлопали, и он стал изучать подъезд на предмет второго выхода: мало ли, вдруг проходной.

Мягко ступая, я спустился по ступенькам и направил на него пистолет «Вальтер» с глушителем. Меня выдавала тень, и парень резко обернулся, дёрнувшись рукой к ремню.

– Доставай, что у тебя там, – негромко, почти шёпотом сказал я.

Тот аккуратно извлёк и положил на пол наган.

– На немцев работаешь или сам немец?

– Я из НКВД, – буркнул он. – Если позволишь, достану удостоверение.

– Не куплюсь. Эту хрень другим дебилам говори. Что вас интересует? Секретное оружие?

– Да. – Он выпрямил спину и взглянул мне прямо в глаза. – Тебе предложат серьёзные блага, если сдашь его. Наши учёные были изрядно озадачены, изучая эти гильзы. Если будешь работать на нас, получишь землю, дом, женщину.

– Где машина? Второй твой подручный?

На это вражеский агент только настороженно ухмыльнулся, но отвечать не стал. Громче пистолет лязгнул затвором, чем кашлянул глушитель, и противник, получив пулю в грудь, мягко повалился на пол. Наповал – попадание в сердце, но я подошёл и выстрелил повторно, в голову. Наверху

хлопнула дверь, и я, подобрав револьвер, поспешил обратно.

Дальше уже никто не мешал мне закупать пирожки, варёные яйца, пироги, хлеб, мясо, сало, овощи – те же помидоры и огурцы, да ещё два мешка молодой картошки купил. Взял, кстати, и полкоробки леденцов-петушков на палочке. Чай нормальный с трудом нашёл, всё смесь продать пытались. Мёд нашёл, с сотами и без. Вот так и делал запасы, постепенно заполнив хранилище почти целиком.

Когда подошёл к выходу, все парни уже были там, ждали меня. Я к тому времени успел прикинуть расклады. Сдать следящую за мной группу своим я не мог: начнут выяснять, чем это я заинтересовал немцев. Впрочем, можно сказать, что добыл у бандитов странное оружие, а когда майора-связиста взял, выкинул его, потому что патроны закончились. Что-то польское, видать секретное. Может, и прокатит. Да, есть шанс, что бандитов всех положат. А я их видел, машина чуть дальше стояла, полна пассажиров, аж присела. А там, где я их человека застрелил, заметна суета: машина подъехала, сотрудник милиции мелькнул.

– Серёга, – обратился я к одному из парней, – что-то я в туалет хочу. Идём, прогуляемся до скворечников.

– Да я не хочу.

– Идём, – надавил я тоном.

Тот удивлённо глянул на меня, но кивнул и, передав покупки остальным, последовал за мной. Мы ушли за ряды, и я, притянув его за шею, зашептал ему на ухо:

– Там на улице чёрная эмка с красными шторами на окнах. Внутри немцы. Это точно, я одного опознал: когда в плену был, тот подходил к конвоирам. Эта сука меня тоже узнала. Похоже, меня убивать будут, я же его видел, опознать могу. Там дальше, у жёлтых домов, что-то случилось: суета, милиция. Постарайся без резких движений дойти до них и сообщить о врагах. Я пойду вниз по улице, постараюсь увести их подальше от людей, от рынка, чтобы, если до стрельбы дойдёт, лишних жертв не было.

– Понял, – кивнул Сергей, внимательно посмотрел на меня и, развернувшись, быстро затерялся среди рядов.

А я вернулся к парням и, закинув вещмешок за спину, сказал:

– Парни, вы погуляйте по рынку, а у меня тут дела, нужно решить.

– Герман, что случилось? – спросил один из курсантов, статный парень, как раз комсорг нашего курса.

– Да ничего, с девушкой познакомился, хочу погулять с ней, – улыбнулся я. – Мой сидор возьмите, чтобы не мешал. Я там купил кое-что парням нашего взвода.

– А Серёга где? – спросил комсорг, пока один из парней закидывал лямки моего вещмешка себе на плечо.

– Прихватило его, чуть позже подойдёт.

Похоже, мне не поверили. Ну, врать я действительно особо не умею, тем более меня заметно потряхивало от адреналина. Резко кивнув парням, я быстрым шагом направил-

ся вниз по улочке. Отсюда было видно, что Сергей перешёл улицу и скрылся в подворотне, где и была суета. Вскоре показалась голова в фуражке, осмотрела эмку и скрылась. Начало положено, пора и мне.

Эмка почти сразу развернулась и последовала за мной. Чёрт, да я даже пятидесяти метров не прошёл, как она обогнала меня и притормозила. С заднего сиденья выбрались два сотрудника НКВД, оба лейтенанты, ладные такие и ловкие, бойцы не из последних.

– Гражданин Одинцов, – обратился ко мне один, – вы задержаны.

Тут рядом с визгом тормозов остановилась ещё одна машина, такая же эмка, из которой вышли ещё трое сотрудников НКВД. Первая парочка кинула на них быстрые взгляды, и один из них шагнул было ко мне, но я уже падал на спину, и удар кулака прошёлся над головой, сбив пилотку, а из окна машины диверсантов забил длинной очередью пистолет-пулемёт, срезав сразу двоих, видимо, настоящих сотрудников. Их машина также затряслась от попаданий.

Выдернув из кармана галифе ТТ, я выстрелил в грудь тому, который пытался меня вырубить, потом выпустил две пули в прыгнувшего на меня второго, рухнувшего на брусчатку, и откатился в сторону, продолжая всаживать пулю за пулей уже в машину. Сменил дрожащими руками магазин и продолжал стрелять, машина обзаводилась всё новыми и новыми пулевыми пробоинами. Мне помогал выжив-

ший сотрудник госбезопасности, а вот водила их машины был мёртв, лежал на руле.

Опустошив по машине второй запасной магазин, я вставил третий. Затем поднялся на ноги, поглядывая на помощника, укрывшегося за своей машиной, и, быстрыми шажками подойдя к расстрелянной эмке, заглянул внутрь. Водила и стрелок были мертвы, изрешечены, те двое в форме тоже: я знал, куда стрелять. Что меня удивило, я действительно опознал стрелка, у которого на коленях лежал наш ППД. Это он общался с тем «капитаном»-пограничником и был тогда в форме германского офицера, кажется капитана.

– Порядок, мертвы, – сообщил я громко.

От места убийства немецкого агента уже бежали вооружённые люди. Я также заметил, что метрах в тридцати лежали мои парни: оказалось, они за мной шли. Живые, просто упали и головы закрыли. Правильно сделали, видно, что фронтовики, первым делом нужно лечь и найти укрытие. Двое прятались за фонарным столбом. Вообще, улица быстро опустела, хотя отовсюду высывались любопытные головы.

Тот сотрудник госбезопасности, что так здорово мне помог, подошёл, придерживая руку (он, оказывается, был ранен в руку плюс скользящее в бок), глянул в змеившееся трещинами и пестрящее пулевыми пробоинами окно машины, потом на своих убитых коллег и поморщился.

– Вот ведь...

В общем, меня задержали. Тут и Серёга был, он подтвердил, что это я сообщил ему о немцах. Меня забрали в управление госбезопасности, где мурыжили до самого вечера, но потом всё же вернули в школу. Я потерял пистолет ТТ, но была замена в виде нагана, так что остался при своём. Хотя то, что меня до сих пор ищут, напрягало. Чего им эти гильзы дались? Обычные СП-5.

В школе меня встретили меня как героя, о бое с немецкими диверсантами слухи по всему городу ходили. Парни сказали, что у меня глаза шальными были, не понравилось им, как я себя вёл, вот они и двинули следом, так что всё видели из первых рядов.

Впрочем, всё обошлось. На допросе я рассказал, где и как видел этого немца. Мол, при захвате майора-связиста, отчётливо рассмотрел, потому и запомнил. А потом в плен попал, и офицер мной заинтересовался, всё разглядывал меня – возможно, кто-то сдал, что это я их офицера пленил. Однако тогда он меня не задержал, а потом я со всеми бежал и его больше не видел, пока не опознал тут, на улицах Киева. Причём опознали мы друг друга одновременно. Это всё, что я сообщил, вполне хватило, по этой информации и работали. Про оружие у меня не спросили, просто изъяли. У фронтовика спрашивать, откуда пистолет? Это смешно.

Потом я продолжил учёбу. Чуть позже снова увольнительная была. На этот раз обошлось без слезки. В эту увольнительную я купил не еду, а отличный белый овечий полушу-

бок, белую меховую шапку-треух, валенки, утеплённые штаны на лямках, три пары вязаных шерстяных носков и три пары перчаток. К тому моменту мы с парнями подъели продукты достаточно, чтобы в хранилище хватило места для этих покупок. А вот два шарфа и свитер пришлось убрать в вещмешок, места в хранилище для них не осталось. Ничего, пока учусь, освободится, тогда и уберу. Скоро холода, нужно готовиться.

Я всё ждал, когда построят личный состав школы и направят на фронт, но приказа всё не было. Уже больше двух месяцев учимся, через три недели выпуск. И вот наконец утром семнадцатого сентября нас всех построили на плацу, и начальник школы сообщил:

– Приказ командующего Юго-Западным фронтом – покинуть Киев и прорываться в сторону Москвы. Мы практически окружены. Старшим курсам провести аттестацию, младшим курсам выходить своими силами, присоединившись к какой-нибудь из воинских частей. Приказ вступил в силу два часа назад. Старшим курсам остаться, младшим получить оружие и сухпай. Удачи вам.

Стоит заметить, что комиссара школы не было, хотя тот всегда присутствовал на таких вот мероприятиях с построениями и часто брал слово. Да и многие преподаватели отсутствовали, а командиры школы были заметно бледны. Впрочем, это не отменяло их профессионализма.

Два младших курса получали оружие, припасы и поки-

дали территорию. Их разбили на роты по курсам, и под командованием командиров школы они направились куда-то прочь. А вот нас, старший курс, аттестовали без экзаменов и выдали нам новенькую форму со склада. Кладовщик всё готов был отдать: всё равно жечь будут. Я тоже получил форму комсостава, фурнитуру (это всё самому придётся пришивать), шинель, фуражку, ремень, пистолет ТТ, кобур и боезапас. Выдали также документы и направление в резерв Юго-Западного фронта: когда выйдем из окружения, направление поможет распределить нас по частям.

Пользуясь тем, что кладовщик отдал склад на разграбление, я прихватил две пары синих галифе своего размера, два френча, две фуражки, три пары байкового утеплённого зимнего нательного белья и портянки для зимы. Мы успели немного проесть мои запасы, так что всё это в хранилище ушло, свитер и шарфы я ещё раньше убрал.

Школа как комплектовалась: каждый месяц новый набор, в наборе – сотня курсантов, три взвода. Те, что проучились месяц, переходят на второй курс. Вот и получается, что я курсант первого взвода старшего курса. Сейчас я сидел в казарме в одном белье, как и многие из наших, и быстро работал иголкой с ниткой, приводя форму в порядок: мы слишком долго к этому шли, чтобы всё наспех делать.

Наших в казарме хватало, поэтому я сказал парням:

– Как закончите, не уходите, нужно поговорить.

– Эй, Одинцов! – окликнул меня помощник командира

второго взвода, а теперь младший лейтенант Васильев, также пришивавший фурнитуру на форму. – Ты там не секретничай. Если есть что сказать, говори всем.

– Да? Пожалуй, так и стоит сделать. Значит, вот что я скажу. Вы в курсе, что есть опасность, близкая опасность скорого окружения?

– Да это все знают, – донеслось в несколько голосов.

– Отлично. Только эта информация трёхдневной давности. На самом деле немцы ещё вчера сошлись и завершили полное окружение. Мы уже не в оперативном окружении, а в полном. Задача у немцев стоит такая: быстро построить линию обороны по направлению к Москве (а наши части будут рваться в ту сторону), усилить её пушками, мины раскидать и не дать нам выйти из котла. А потом дробить котёл на несколько малых и уничтожать наши части, пленить. И когда весь наш фронт будет, по сути, уничтожен, только тогда они пойдут на Москву. А между немцами и Москвой наших частей нет, они все тут, в котле.

В казарме стояла полная тишина. Дураками парни не были, все осознавали размер той катастрофы, в которой очутился весь Юго-Западный фронт.

– Как интересно, курсант Одинцов, – донеслось от входа; обернувшись, я обнаружил нашего куратора, капитана Крылова, рядом стоял командир нашего курса, лейтенант Матюшин. – И откуда у вас такая информация?

– Информация секретная, – согласился я. – Однако я её

получил. Знакомый служит в штабе, в охране.

– И что ты предлагаешь? – прямо спросил Васильев, которого не волновало, откуда у меня информация, а больше интересовало, что теперь делать. – Не просто так ты решил пошептаться со своими из взвода. Есть какой-то план? Выкладывай.

– План есть. Я видел, как части на машинах, технике и пешими колоннами шли в сторону Москвы. Там их встретят и уничтожат. Тех, кто выживет, пленят. Немцев можно пройти только по-пластунски, как разведчики ползают за пленными – тихо, незаметно, ножом проверяя на минирование, ночью. Только так и никак иначе. Но не с криками «ура!» на пулемёты, без серьёзной разведки боем и поддержки артиллерией. Не пробить им оборону, лягут там. Там уже скоро будут строить вторую линию окопов, возможно, до третьей и не дойдёт. Так вот, пока немцы строят эту оборону, у нас есть два-три дня, а дальше они так сядут, ушки на макушке, что не пройти будет. Об этом я и хотел поговорить, объяснить ситуацию. Времени нет, нужно поторопиться.

Сказанное мной заставило многих задуматься. Я как раз закончил с френчем, натянул синие галифе, намотал портянки и надел сапоги. Надел и френч, застегнул пуговицы – как родной сидит. Я последние две недели физкультурой не пренебрегал, на хороших харчах уплотнился, на дрища перестал походить. Многие обсуждали, что я сказал, но тоже не мешкали, работали быстро. Я тоже, подтянув к себе шинель, на-

чал пришивать петлицы (эмблемы и знаки различия на них уже были), а потом и нарукавные нашивки.

Двадцать минут – и я закончил. Надел шинель, опоясался, ремень на боку, португепя через плечо, тонкий ремешок планшетки – через другое, фуражка на голове. Многие тоже уже собирались, я не первый закончил. Подхватив сидор, спросил, осматривая парней:

– Ну что, кто со мной двинет?

Многие задерживались, хотя могли уже уйти. На множество голосов подтвердили, что отправляются со мной. Мы двинули в арсенал, получили карабины – к сожалению, тут было только такое оружие, да и то немного, остальное забрали два младших курса. Мне карабина не досталось, их и было штук пятьдесят, но не страшно, легче идти будет. Кстати, к нам присоединились и куратор курса с командиром, у Крылова жена и дети были.

И вот мы и двинули в сторону железнодорожного вокзала. Меня назначили проводником нашей группы. А по пути я заметил на параллельной улице строй в военной форме. Описав Крылову, что нам нужно на вокзале (уж этот добьётся своего), я отправил его вперёд, а сам добежал до соседей. Это были девчата-связистки, две сотни голов. У них училище рядом с нашим, их тоже дёрнули и приказали эвакуироваться своими силами. Старший у них был в звании майора.

Я сказал, что мы уходим, и предложил присоединиться к нам: тут столько девчат, не стоит их под немцами оставлять.

Я понимаю, что тут много кого нужно спасать: гражданские, раненые в госпиталях. Но мне не разорваться, хотя бы этим помогу. Майор подумал и согласился, так что мы быстрым шагом строем нагнали наших.

Крылов уже ругался с железнодорожниками, майор присоединился к нему. Железнодорожники не хотели гнать состав в тыл, объясняя это тем, что дорога перерезана. Так ведь нам и надо, чтобы они доставили нас туда, высадили перед немцами и вернулись! В общем, одну бригаду удалось уговорить. Погрузились в пустой эшелон с теплушками и поехали.

Уже стемнело. А дальше была серьёзная работа. С помощью дрона я изучил, что там и как, и затем лично сделал порядка двадцати рейсов, чтобы тихо и незаметно провести всех через позиции. Немцы остались позади, а мы быстро уходили вглубь уже наших территорий. Тут, кстати немцы тоже бывали, но лишь мотопатрулями, большие силы не гоняли. Если кого встретим, то нашей огневой мощи хватит, чтобы отбиться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.